

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ

ВАЛЕРИЙ ШАМБАРОВ

**«ПЯТАЯ
КОЛОННА»
РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ**

Исторические открытия

Валерий Шамбаров

**«Пятая колонна» Российской
империи. От масонов
до революционеров**

«Алгоритм»

2016

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)

Шамбаров В. Е.

«Пятая колонна» Российской империи. От масонов до революционеров / В. Е. Шамбаров — «Алгоритм», 2016 — (Исторические открытия)

Изменники существовали в нашей стране с незапамятных времен. С подобными деятелями научились плодотворно сотрудничать внешние враги России, целенаправленно использовали их в войнах и политической борьбе. Но Московское царство, невзирая на оппозицию и заговоры, на подрывные операции западных держав, устояло. Мало того, оно одолевало своих противников, укреплялось, разрасталось – и выросло в великую Российскую империю. Конечно, «пятая колонна» никуда не исчезла. Наоборот, она тоже усиливалась, умножалась новыми течениями и группировками. По стране почковались масонские ложи, еретические секты. При дворе и в правительстве возникали фигуры западных «реформаторов» и явных агентов влияния. Создавались структуры революционеров. А зарубежные враги нашей страны вышли на куда более высокий, международный уровень. Активно организовывали и подпитывали российскую оппозицию, координировали и направляли ее удары. Историк и публицист Валерий Шамбаров на основе своих исследований рассказывает о подлинной истории предательств Российской империи.

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)

© Шамбаров В. Е., 2016

© Алгоритм, 2016

Содержание

От автора	6
Гнойник первый	7
Гнойник второй	18
Гнойник третий	23
Гнойник четвертый	27
Гнойник пятый	32
Гнойник шестой	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Валерий Шамбаров

«Пятая колонна» Российской империи. От масонов до революционеров

От автора

Изменники существовали в нашей стране с незапамятных времен. Об этом я рассказывал в своих книгах «Пятая колонна Древней Руси» и «Пятая колонна Русского царства», представил читателям колоритную галерею предателей: Святополк Окаянный, Твердило Иванкович, Даниил Галицкий, «жидовствующие», Курбский, соглашатели Семибоярщины, канцлеры Ордин-Нащокин и Голицын, царевна Софья, целая плеяда украинских гетманов, начиная с Выговского и заканчивая Мазепой... С подобными деятелями научились плодотворно сотрудничать внешние враги России, целенаправленно использовали их в войнах и политической борьбе.

Но Московское царство, невзирая на оппозицию и заговоры, на подрывные операции западных держав, устояло. Мало того, оно одолевало своих противников, укреплялось, разрасталось – и переродилось в великую Российскую империю. Но и «пятая колонна» никуда не исчезла. Наоборот, она тоже усиливалась, умножалась новыми течениями и группировками. По стране почковались масонские ложи. Обнаруживались еретические секты вплоть до самых «экзотических». При дворе и в правительстве возникали фигуры западных «реформаторов» и явных агентов влияния. Высший свет и интеллигенция заражались либеральными учениями. Все громче заявляли о себе националисты, сепаратисты. Создавались структуры революционеров. А зарубежные враги нашей страны вышли на куда более высокий, международный уровень. Активно организовывали и подпитывали российскую оппозицию, координировали и направляли ее удары.

Об этих явлениях рассказывает работа, которую вы держите в руках. Но в данный период «пятая колонна» стала слишком многочисленной, многообразной и многоликой. Охватить все ее проявления, течения и формы в объеме одной книги попросту невозможно. Для этого понадобились бы многотомные исследования. Поэтому пришлось выбрать лишь некоторые сюжетные линии, исторические фигуры и организации – наиболее показательные и характерные, особенно ярко проявившие себя при расшатывании и разрушении Российской империи. И особенно отчетливо показавшие свою сущность.

Гнойник первый Сектанты и масоны

Различные народы нашей планеты имеют не только генетическое происхождение. Например, происхождение американцев – не генетическое, а юридическое. Северную Америку колонизировала разноплеменная шваль из многих европейских государств, сектанты, беглые преступники, к ним добавлялись африканские невольники, китайцы, японцы, эмигрантское отребье всех мастей, а объединяющим началом становились американские законы, и полноценными американцами оказывались люди, получившие гражданство США.

Происхождение русского народа иное. Оно не генетическое, как у евреев, не юридическое, как у американцев, а духовное. Разумеется, у русских были и многочисленные генетические предки, как же без них? Но народ родился из многих составляющих в X в. в таинстве Крещения Руси. До того были поляне, кривичи, словене, вятичи, древляне, тиверцы и пр. – разные славянские народы, отличавшиеся и по происхождению, и по обычаям, и по религиозным обрядам, нередко враждовавшие между собой. Были и финские народы – меряне, мурома, нарова, ижора, чудь, весь, балтские – галинды, угорские – берендеи. Были варяги – прибалтийские славяне и скандинавы. В купель входили разными, а выходили русскими. Отныне их связывала не только принадлежность к одному государству, но и общая система ценностей, общее мировоззрение, вера.

Долгое время именно вера являлась главным индикатором, русский ты или нет. Допустим, Ростов вплоть до конца XI в. разделялся на Чудский конец с капищем мерянского божества и Русский с православным храмом. Между собой они уживались мирно, вместе вели хозяйство, меряне повиновались княжеским властям, исправно платили подати, но в вопросах религии уступать не желали и проповедников к себе не допускали. Если же мерянин крестился, он уже считался русским, должен был переселяться с Чудского конца к единоверцам.

Аналогичное положение сохранялось позже. В XIV–XV вв. на Русь во множестве перетекали из Орды татары. Они могли сохранять свои обычаи, исповедовать ислам, в этом случае они считались «служилыми татарами», большие их общины существовали в Касимове, Юрьеве, Тарусе, Москве. А принявшие крещение превращались в русских, сливались с русской служилой знатью. Таким же образом в XVI–XVII вв. становились русскими кабардинцы, адыги, немцы, шотландцы, англичане, французы, голландцы, поляки, принимавшие православие. При освоении Сибири и Дальнего Востока обязательного крещения для автохтонного населения не требовалось. Но те, кто крестился добровольно, выбывали из разряда «ясачных» и тоже считались русскими.

Но и православные украинцы, белорусы, жившие в Речи Посполитой, называли себя не иначе как русскими. После присоединения Украины к России возникла потребность как-то отличать ее жителей от населения остальной части страны (а это отличие было юридическим, Украине предоставили очень широкие права внутреннего самоуправления). Сперва употребляли слово «казаки», поскольку Богдан Хмельницкий скопом причислил к казакам всех крестьян и горожан, примкнувших к восстанию. Позже ввели обозначение Малороссия, малороссы. И вплоть до 1917 г. в Российской империи вообще не существовало учета по национальностям. Только по вероисповеданиям. В документах указывалось «православный» – подразумевалось «русский». К ним относились и украинцы, белорусы, обрусевшие немцы, крещеные буряты, якуты и т. д.

Но и само по себе православие периодически испытывало разрушительные влияния. Иногда они внедрялись целенаправленно врагами нашей страны – которые тоже разобрались, что народ и государство цементирует вера. Значит, для сокрушения России требуется

расшатать и подорвать ее. А иногда такие воздействия носили случайный характер. Задолго до крещения Руси на ее территорию проникали не только христианские проповедники. Ведь в христианских странах велась борьба с ересями, и их приверженцы разбегались кто куда, в том числе и на русские земли.

В 989 г. св. Владимир Креститель послал своего дядю Добрыню для крещения Новгорода. Ожесточенное сопротивление ему организовали вовсе не язычники – народ взбунтовал «волхв» Богомил. Прозвище указывает на его принадлежность к богумилам, болгарской манихейской секте. Она объявляла, что Бог создал «высший» мир, а земной мир и людей сотворил сатана и властвует в нем. Запрещала поклоняться кресту, поучала, что церкви населены демонами и каждый человек – вместилище демона. А чистые – одни лишь богумилы. Отрицались браки, но практиковались свальные оргии. Как раз в это время в Болгарии и Византии развернулись гонения на богумилов, и некоторые сочли за лучшее отправиться на север. Как видим, для еретиков было ничуть не зазорно объединяться с язычниками против православия. В 1071 г. два «волхва» подняли восстание возле Ярославля, с толпой в 300 человек дошли до Белоозера, зверски убивая женщин. Мятеж подавил воевода Ян Вышатич, он допросил пойманных «волхвов» об их верованиях, и рассказ, зафиксированный в летописях, опять оказывается не языческим, он в точности соответствует той же богумильской ереси.

Лжеучения проникали и из других стран. «Окном» для них стал Новгород, тесно связанный торговлей с Западной Европой. В 1310-х гг. какую-то ересь принялся проповедовать новгородский протопоп Вавила, критикуя церковные уставы и порядки. К нему пристали «мнозии от причта церковна и мирян». Вавилу поддержал и тверской епископ Андрей. Митрополит Владимирский и всея Руси св. Петр созвал Освященный собор, его активно поддержал московский князь Иван Калита. В результате митрополит «помосцию и заступлением князя Ивана Даниловича преодолел и проклял того еретика» (Вавилу), «а сам иде по градам, поучая право верити, и укроти молву, а смущение диаволе прогна».

Потом в Пскове и Новгороде обнаружилась так называемая ересь стригольников. Сектанты находились под иудейским влиянием, «стриглись» – совершали обрезание. Поучали, что Христос еще не приходил, отрицали св. Таинства, иконы, саму церковь. Ересь искоренили долго и трудно, с ней не могли сладить несколько десятилетий.

А в 1470 г. новгородская верхушка решила отложиться от Руси, пригласила из Литвы князя Михаила Олельковича, и в его свите прибыл из Киева астролог и каббалист «жидовин именем Схария», обольстил нескольких священников, и возникла ересь «жидовствующих». Она действовала строго конспиративно, маскировалась под православных, и одолеть ее не удавалось очень долго. Секта распространялась «по верхам» общества, старалась вовлечь иерархов церкви, высших государственных сановников. Еретики протасили на престол митрополита всея Руси своего ставленника Зосиму, к ним примкнули богатейший боярский клан Патрикеевых, жена царевича Ивана Молодого Елена Волошанка, их сын Дмитрий.

Готовился государственный переворот. Для этого «жидовствующие» оклеветали жену государя Ивана III Софью Палеолог, царевича Василия, разгромили их окружение. Странниками св. Иосифа Волоцкого и других верных защитников православия сектантов одолели. Пришлось неоднократно собирать Освященный собор, несколько человек были казнены, прочие отправлены в тюрьмы и ссылки. Но ересь выжила. Ее апологеты научились более тщательно скрываться, выступали под маркой «нестяжателей», «заволжских старцев». Жидовствующий Василий Патрикеев превратился в «старца» Вассиана Косого, вернулся из ссылки в Москву, при покровительстве единомышленников стал могущественным советником при великом князе Василии III. Оклеветал св. Иосифа Волоцкого, а с другими противниками вообще не церемонился. Когда священник Серапион из Заволжья доложил, что среди

местных сторонников Вассиана гнездится ересь, «старец Васьян попа просил на пытку», и его запытали до смерти.

Только через 20 лет Вассиан попался на связях с боярской оппозицией, был осужден и закончил жизнь в заточении. Но секта опять уцелела, давала новые метастазы, каждый раз поддерживала заговоры, вовлекла в свою деятельность два монастыря. В 1553–1554 гг. целую серию Освященных соборов провел молодой царь Иван Грозный. Однако главные осужденные, Артемий Пустынник и Феодосий Косой, вообще избежали наказания, благополучно бежали за границу. Это было совсем не удивительно, ведь их единомышленники и покровители оставались в верхушке государственных структур. К «жидовствующим» принадлежали ближайшие советники царя Сильвестр и Адашев, претендент на престол Владимир Старицкий со своими родственниками, князь Курбский и ряд других оппозиционных бояр, архиепископ Новгородский Пимен с несколькими церковными иерархами. Лишь введением на Руси чрезвычайного режима, опричнины, и суровыми карательными мерами Иван Грозный сумел уничтожить эту заразу. Но, опять же, какие-то корешки остались...

В народной толще жило и древнее язычество. Оно постепенно блекло, вырождалось. Люди забывали смысл языческих ритуалов, и сами эти ритуалы превращались в безобидные народные обряды, разнообразившие и украшавшие русскую жизнь, – колядовали перед Рождеством, устраивали кулачные бои и катания на санях на Масленицу, жгли чучело зимы, по весне водили хороводы, играли в горелки, прыгали через костры на Купалу, праздновали «зажинки», «обжинки», «осенины» и т. д. Но кое-где сохранялись и языческие учения, появлялись проповедники. В 1550 г. Стоглавый собор отмечал: «По погостам и селам ходят ложные пророки, мужики и жонки, девки и старые бабы, наги и босы и волосы отрастив и распустя, трясутся и убиваются», утверждают, что им являются те или иные святые, и от их имени учат людей не пойми чему.

Существовала и литература, перенявшая христианскую символику, но по сути языческая. Например, уже в XIX в. исследователи обратили внимание на «Стих о Голубиной книге». Там излагается легенда о сотворении мира. Дескать, белый свет взялся от Бога, солнце – от Его лица, луна – от груди, зори – из очей, ветры – от Духа Святого, а мир создан от Адама, камни – из его костей, земля – из плоти. Из Адама сотворены и люди, причем цари – из головы, а крестьяне – из колена. Сюжет мифа в точности соответствует гимну «Пурушасукта» из «Ригведы», где описывается сотворение мира и людей из различных частей тела первочеловека Пуруши (а языческая вера славян была близка к ведической религии древних индусов). С XV в. известны апокрифический «Апокалипсис Петра», всякие «Хождения по мукам», где явно прослеживаются орфические учения, сходные с античным язычеством. В других апокрифах однозначно сквозит учение гностиков.

До поры до времени антихристианские явления прятались отдельными очагами где-нибудь в глубинке. Светские власти туда не добирались и не замечали их, а священников вплоть до конца XVII в. избирали сами прихожане, негодных могли выпроводить. Изменила ситуацию трагедия церковного раскола. Но только не стоит путать раскольников и старообрядчество. На разницу между ними впервые обратил внимание Петр I. В 1722 г. он побывал у гребенских казаков. До них на далекой окраине церковные реформы Никона попросту не дошли. Они великолепно несли службу, повиновались начальству, но наотрез отказывались креститься тремя перстами. Петр указал, что «расколу в них нету», и распорядился их не трогать. Этот прецедент распространился на остальные казачьи войска, и последующие цари подтверждали решение Петра. Так, Николай I в 1850 г. повелел именовать раскольниками только «вредные секты», а казаков, всего лишь сохранявших обычаи предков, называть староверами и не преследовать.

Надо сказать, что и в народе раскольников поначалу не имело массовой опоры. В 1670 г. Стенька Разин повел на Москву голытьбу под лозунгом защиты патриарха

Никона, якобы несправедливо низложенного и сосланного боярами. Раскол подпитывала лишь небольшая часть духовенства и оппозиционная знать – князь Хованский, боярыня Морозова, княгиня Урусова и др., отнюдь не простонародье. Но в 1676 г. скончался царь Алексей Михайлович, и на трон взошел Федор Алексеевич, слабый и болезненный. При нем власть захватили молодые фавориты, была доломана система «народной монархии», построенной еще Иваном Грозным. Упразднилось местное выборное самоуправление. Был ликвидирован Тайный приказ, контролировавший деятельность всех государственных структур и должностных лиц. Исчезло «челобитное окно» во дворце, через которое любой человек мог подать жалобу непосредственно царю. Покатились хищничества и злоупотребления.

Федор (а не Петр) при участии сестры Софьи повел реформы по «европеизации» России. Внедрялись польские моды, обычаи, роскошь, все это ударило по крестьянам, росли налоги, усилилась их эксплуатация помещиками. Царь по примеру Запада развернул борьбу с нищими, повелев их «определять в работы». Отменил указ своего отца о невыдаче беглых, записавшихся на военную службу. А в 1682 г. умер Федор, власть перехватила его сестра Софья Алексеевна, канцлером стал ее фаворит Голицын, слепо преклонявшийся перед Западом. Софья, чтобы завоевать популярность, раздавала приближенным огромные награды, измерявшиеся тысячами крестьянских дворов. Вчерашние свободные крестьяне вдруг оказывались крепостными. «Европейские» реформы правительница углубила. В России было разрешено католическое богослужение, дозволен въезд иезуитов. В угоду Западу начали совершенно ненужную в тот момент войну против Турции, в походах на Крым Голицын бездарно погубил две армии.

Вот тогда-то, при Федоре и Софье, раскольников приняло массовый характер. В скиты устремились преследуемые нищие, дезертиры, беглые крестьяне. Раскол был движением не только духовным, а в первую очередь политическим, антигосударственным. Призывалось «удаляться и бегати» – не платить податей, не признавать властей, вообще исключить себя из структуры государства. Но «беганием» не ограничивались. Например, расколоучитель Кузьма Косой, устроивший Усть-Медведицкий скит на Дону, договаривался со степняками и скликал к себе всякий сброд, рассылая по стране «прелестные письма»: «За нас многие орды и калмыки, не покинет нас и Чаган Богатур, и Ногай-мурза, как пойдем на Москву, замутим всеми...» Как видим, «неповрежденная вера» становилась лишь предлогом. Она отнюдь не препятствовала союзу с нехристями, главное – «замутить».

В 1708 г. некрасовцы вообще передались в подданство крымского хана и турок. Из них состояла личная гвардия хана и султана, в татарских набегах на Русь они шли в авангардах, показывали дороги, рубили и захватывали в рабство соплеменников. Внутри общины сохраняли «старую веру», а ради этого признавалось совсем не грешным служить врагам Отечества, убивать русских. В 1807 г. на Дунае некрасовцы учинили даже массовую резню старообрядцев-липован, которые жили в эмиграции, но в очередной Русско-турецкой войне доброжелательно встретили царские войска. Участвовали и в подавлении восстаний православных балканских народов...

Кроме бунтарских и изменнических сект, раскол породил другие гиблые течения вплоть до самосожженчества. Оно имело с «неповрежденной верой» еще меньше общего, чем предательство: ни одна христианская конфессия не приемлет самоубийство. По христианским канонам, это самый страшный грех, страшнее убийства ближнего. Самоубийца сам, своей волей отвергает душу, дарованную ему Богом. Причем жуткие «гари» вовсе не были спасением от гонителей, от карательных экспедиций. Дело обстояло с точностью до наоборот. Сначала начались самосожжения, и именно они заставили власти всерьез взяться за раскольников.

Это была особая теория, близкая к манихейству. Людям внушали, что Церковь погибла, наступило «царство антихриста», он стал хозяином всего материального мира. Значит, надо

высвободить душу из погибшего мира, в том числе из собственного тела. Задолго до раскола, в 1630-х, некий «старец» Капитон проповедовал необходимость «самоуморения». Подобные учения получили дальнейшее развитие. А реформы Никона, призывы протопопы Аввакума к противодействию «никонианам», добавившиеся «западные» нововведения Федора Алексеевича и Софьи создали благодатную почву для их распространения. Люди были сбиты с толку, теряли духовные ориентиры, ударялись в «богоискательство» по собственному разумению, чем и пользовались изуверские учителя.

Был выработан сложный ритуал, к самосожжениям готовились задолго, в несколько этапов. Первая ступень предполагала бегство от мира. Учителя собирали большую общину желающих «спастись». Вторая ступень – крещение «в Ердане». Каждого, кто приходил в общину, обязательно перекрещивали. Иногда по мере прибытия, иногда коллективно, большими партиями. А третьей ступенью становилось «крещение огненное». Для этого совместными усилиями возводили строение, чтобы вместило всех. Иногда оно требовалось очень большое – так, в 1677 г. в Тобольском уезде сжигались 1700 человек, «добродетельные мужие, девы и отрочата». Строение обкладывали соломой и хворостом, участники обряда полностью раздевались, как для обычного крещения, и с молитвами и песнопениями предавали себя огню. Причем учителя-подстрекатели нередко уклонялись от общей участи – ведь они «обязаны» были еще задержаться в «антихристовом» мире, чтобы помочь «спастись» другим.

Раскол единого духовного целого, разброд в умах позволяли набирать последователей не только проповедникам самоубийства. В это же время, в конце XVII в., на Руси стали распространяться секты хлыстов. Их происхождение теряется в незапамятных глубинах прошлого, но раньше они ютились где-то в глухомани, небольшими группами, незаметненько, потихонечку, а теперь получили подпитку. Хлысты использовали христианскую терминологию, однако все их «христианство» одной лишь терминологией и ограничивалось. Они сохранили остатки языческих учений и обрядов. В качестве «священной» литературы использовались та же «Голубиная книга» и прочие подобные произведения. Бог отождествлялся с «красным солнышком», Богородица – с «матерью сырой землей».

Утверждалось, что Бог живет «на седьмом небе», «пиво варит», рисовалось подобие языческого рая – на небе стоят «грады, сады зелены». При покаяниях обращались о прощении грехов как к Господу, так и ко всей природе: «Прости, солнце и луна, небо и звезды, и матушка сыра земля, пески и реки, и звери и леса, и змеи и черви». У хлыстов запрещались воровство, блуд, пьянство, требовались дружба, гостеприимство. Но активисты сект богохульно именовались «христами» и «богородицами», утверждалось, что в них воплощается «святой дух». В секте чтили какого-то одного земного «христа», при нем обреталось двенадцать «апостолов», на роль «богородицы» выбиралась «девица краснолична», могли добавляться и «пророки». «Богослужения» представляли собой радения: люди доводили себя до экстаза плясками, кружением, били себя прутьями, палками, цепями. В некоторых сектах радения исполнялись вполне по-язычески, в чем мать родила.

Но и в целом главные ритуалы во многом повторяли древние мистерии «великих матерей» Востока, Малой Азии – например, темные магические таинства «матери богов» Кибелы, справлявшиеся когда-то в ее святилище на горе Ида. В обрядах сохранились даже следы человеческих жертвоприношений, ритуального канибализма: в незапамятные времена так поступали с избранницей, олицетворявшей богиню, хотя у хлыстов жертва стала уже символической. Ночью, около праздника Троицы, они плясали при свечах вокруг большого чана с водой, бичевали себя до крови, взывали в песнях к «богородице – матери земле сырой». Она выходила снизу, из погреба, выносила блюдо с дарами: изюмом, сладкими ягодами. Угощала собравшихся, помазывала водой. Ее саму торжественно омывали, срезали

сосок и, измельчив его на частички, кощунственно «причащались плотью и кровью». Это считалось высшей хлыстовской «святыней».

А запрещение блуда ничуть не распространялось на общие оргии – после радений свечи гасились, и в темноте месились кто с кем. Забеременеть от неизвестного отца признавалось «от бога». Такая женщина объявлялась новой «богородицей», а зачатые в ритуалах дети должны были стать «христами» и «пророками». Сектантов обнаружили. Первое судебное дело прошло в 1716–1717 гг. Не помогло. В 1732–1733 гг. возникло новое большое дело, 3 человека было казнено, 116 бито кнутом и сослано. Но в 1745 г. секту вскрыли в Москве. К ответственности привлекли аж 416 человек, из них 62 учителя и «пророка». Среди подсудимых оказались все монахини Ивановского и Варсонофьевского монастырей. Развернулись поиски по стране. Хлыстов выявляли, пороли, целыми «кораблями», т. е. сектантскими общинами, ссылали в места не столь отдаленные, но тем самым разносили заразу на новые территории.

Однако в этот же самый период, в XVIII в., верхушка российского общества стала заражаться западным «просвещением». Часть дворян задрала носы, совершенно оторвалась от «сиволапого мужичья», околачивалась по столицам, заграницам и не обращала внимания на своих крестьян. По деревням бродили не пойми какие «старцы» и «старницы», образовывались секты неведомых направлений. Другие дворяне, наоборот, понесли приобретенную «мудрость» простонародью. Например, уже позже, в XIX в., отец известного историка Костомарова, ярый атеист, принялся учить крепостных, что Бога нет. На этом поприще он сумел достичь заметных успехов – собственные дворовые убили его и ограбили. Рассудили: если Бога нет и после смерти «ничего не будет», так зачем же себя ограничивать? Хотя, в отличие от барина, они все же сохранили православную душу. Совесть их замучила, они вышли на церковную папёрть перед односельчанами и покаялись, сдались с повинной.

Многие помещики ударились и в масонские учения. Делились полученными «откровениями» с приближенными крепостными, и вдруг выяснилось, что они четко сходятся с... хлыстовскими! Впрочем, ничего сверхъестественного в таком совпадении не было. Ведь масонские теории родились на базе древних гностических и каббалистических учений, черпали «тайную мудрость» из тех же языческих мистерий Востока, Египта, античного Средиземноморья. В общем-то, смычка «просвещенных» дворян-масонов и полуграмотных крестьянских сектантов вышла очень любопытной. Самые низкопробные масонские журнальчики и брошюры мистического содержания, попадая в хлыстовскую среду, начинали играть роль «священных писаний». Бывало и так, что сам барин или барыня примыкали к секте, становились ее руководителями и «духовными» иерархами.

Это получалось выгодно для обеих сторон. Для барина его крепостные оказывались теперь «духовными чадами» – значит, будут послушными, не убегут, воздержатся воровать и отлынивать от работы. А если секта была еще и «экзотической», с прыганиями и дрыганиями в голом виде, с общими «священными» блудилищами, хозяин имел полный набор пикантных развлечений в собственном поместье. Ну а сектанты приобретали в лице масонствующих помещиков надежных покровителей. Да и сельский священник не посмеет идти против барина, посылать жалобы церковному начальству. В результате к началу XIX в. всевозможные секты расплодилось самым невероятным и причудливым букетом: «христовцы», скопцы, богомилы, монтане, контовщики, молельщики, купидоны, ханжи, вертуны, прыгуны, телеша, ляды, дырники, фармазоны, наполеоновы дети, духоборцы, иконоборцы, жидовствующие и т. д.

И тут уж остается только подивиться, из каких стран и каких эпох все это понабралось в Россию! Скажем, монтане – раннехристианская ересь, осужденная еще во II в. Она проповедовала некий третий «завет святого духа», полное безбрачие, отрицала покаяние, а путь к «спасению» видела через самоистязание и добровольное мученичество, то бишь через садо-

мазохизм. Иконоборцы – византийская ересь VIII–IX вв. О богомилах и жидовствующим уже говорилось. Телеша продолжали установки адамитов, чешской секты XV в., обходились на молитвах без какой-либо одежды. Прыгуны были близки к гюпферам, голландской секте XVI в. Уральские дырники объединили христианство с митраизмом древних гуннов, тюрков, монголов, отождествляли Бога с митраистским культом неба – Тенгри, молились под открытым небом или «дырой» – окном или отверстием в стене. Фармазоны напрямую восприняли масонские «мудрости» в качестве «божественных откровений».

Самой изуверской сектой были скопцы. Для мужчин они практиковали посвящение «за одной», «за двумя» и «за тремя печатями», что соответствовало частичному или полному лишению детородных органов. Для женщин одна или две «печати» означали удаление молочных желез. Еще более высокой ступени «посвящения» и «святости» достигали те, кто принимал «печати огненные», выжигание груди раскаленным железом. Кстати, и эти обряды пришли из глубин веков, из языческих культов «великих матерей». Служителями той же малоазиатской Кибелы являлись скопцы, фанатики посвящали себя богине, жертвуя ей мужское достоинство. Другим богиням, олицетворявшим девственную природу, служили безгрудые жрицы, скреплявшие таким образом обет безбрачия.

А в России, невзирая на омерзительные ритуалы, секта стала самой могущественной и многочисленной. Причина была чисто материальной. Скопцы подмяли под себя меняльный, то бишь ростовщический, бизнес. Изогранный ум и жадность евнухов помогали наживать капиталы, а наследников заведомо не было, деньги всех «посвященных» оставались в секте, концентрировались в руках ее тузов. Богатства собирались колоссальные (так, при аресте скопца Плотыцына было изъято наличными более 18 млн рублей – тогдашних! В пересчете по нынешнему курсу он считался бы мультимиллиардером).

Именно это обстоятельство обеспечивало успехи скопцов. За согласие «посвятиться» они выкупали на волю крепостных, предлагали желающим деньги для открытия своего дела. Окручивали и вовлекали должников, угрожая по суду засадить их в тюрьму. У скопцов действовала собственная разведка. Выискивала разорившихся хозяев, промотавшихся игроков или людей, мечтающих о дорогом приобретении. Через подставных лиц им выделяли нужные суммы и вроде бы «забывали», пока не нарастут проценты. А потом человек или его наследники целиком оказывались в паутине сектантов. Сократить долг можно было по определенной таксе: за ту или иную цену «посвятиться» самому, уговорить родных, знакомых.

В политике сектанты традиционно поддерживали антигосударственные, разрушительные силы. В частности, хлысты провозгласили очередным «христом» Пугачева. Скопцы тоже признали за ним столь высокий ранг, хотя взаимопонимания не достигли. Емельян Иванович выслушал делегатов, но он был несколько иного мнения о плотских радостях, и всех попавшихся скопцов, начиная с самих делегатов, приказал вешать. Зато с законными властями сектанты умели находить общий язык. Деньги ростовщиков помогали подмазывать администрацию взятками, кого-то из чиновников держали «на крючке» за долги, вынюхивали о них компрометирующие сведения. Честных служаков могли дискредитировать, купив обвинителей и лжесвидетелей. Поддерживались и прочные контакты с уголовным миром. Воры как раз через менял сбывали краденое, им предоставляли убежище, а за это они опекали сектантов, которым все-таки случится загреметь за решетку.

Особенно плодотворными стали связи скопцов с масонствующими аристократами. Как уже отмечалось, в учениях тех и других было много общего. Но не секрет, что сила масонов в разных странах заключалась вовсе не в учениях и не в совершенстве их организаций. Они стали «всемогущими», сомкнувшись с кругами крупных банкиров, в основном иудейского происхождения, – Ротшильдами, Варбургам, Мильнерами и пр. В России в конце XVIII – начале XIX в. таких банкиров еще не было. В нашей стране подобную публику заменили не

кто иные, как скопцы. Они взялись финансировать масонские издания, клубы. А при этом сами получали высокопоставленных титулованных покровителей.

Имея столь мощную опору в «верхах», они раскинули свою деятельность очень широко. Их секты распространились по Тульской, Тамбовской, Орловской губерниям, угнездились в Костроме, Саратове, Самаре, Томске, Москве. Влезли и в Санкт-Петербург. При Павле I в столице проживало несколько ростовщических тузов, сюда переместилась резиденция скопческого «христа» Селиванова. Скопцы проникли даже ко двору, завербовали в секту царского лакея Кобелева. Но Павел, узнав о подобных поползновениях, церемониться не стал, Селиванова и его присных отправил в тюрьму. «Вольных каменщиков» царь тоже не жаловал, издал указ о категорическом запрете их организаций. Хотя из масонов уже состояло ближайшее окружение Павла. Стоит ли удивляться, что это окружение вскоре убило его, возвело на престол Александра I...

Новый государь в угоду облепившим его приближенным во многом изменил политику. Объявлял амнистии, выпустил на свободу «политических», вроде масона Радищева. Освободил и Селиванова, с 1802 г. он открыто жил и проповедовал в столице. Да и питерские финансовые воротилы Ненастьева, Костров, Солодовников ничуть не скрывали своей принадлежности к секте. Молва о «пророчествах» скопческого «христа» распространялась в «высшем свете». Сам Александр I при вступлении в коалицию против Наполеона не побрезговал посетить его, получить предсказания о будущем. Селиванов убеждал его не воевать с Бонапартом. Когда война обернулась поражением под Аустерлицем, и «пророчество» сбылось, авторитет евнуха подскочил еще выше.

В тяжелом 1812 г. к Селиванову потянулись люди, чтобы узнать о собственном будущем, о судьбах близких, получить советы. Тянулись в горе родственники погибших, надеясь обрести в откровениях еретика утешение и поддержку. Не мудрено, что на послевоенные годы пришелся наивысший пик сектантских успехов. Они снова проникли в придворную сферу, в их ряды «посвятился» камергер двора Елянский. Обнаглели до того, что в 1814 г. через Елянского царю был представлен проект «церкви таинственной». Предлагалось учредить в России «божественную канцелярию» и установить «феоκραтический образ правления», при котором скопцы станут секретными советниками всех отраслей управления.

Для этого их предстояло постригать в монахи и рукополагать в священство. Сектантов-иеромонахов и «пророков» следовало приставлять ко всем начальникам, в каждый полк и каждый город. «Иеромонах, занимаясь из уст пророческих гласом небесным, должен будет секретно совет подавать... во всех случаях, что господь возвестит о благополучии или о скорби; а командир оный должен иметь секретное повеление заниматься у иеромонаха полезным и благопристойным советом, не упоая на свой разум и знание». Селиванов должен был стать советником при самом императоре, руководить всей сетью скопческих иеромонахов и «пророков». Эти реформы требовалось хранить в глубочайшей тайне, чтобы «не пометать бисер», а в итоге Россия возвысится, «будет всех сильнейшею победительницею всего мира».

Но тут уж за головы схватились масоны! Ведь они исподтишка занимались тем же самым! Старались потихонечку заразить своими ставленниками церковь и структуры власти, а союзники, хоть и в «тайном» проекте, откровенно выложили их методы! Елянского быстренько объявили сумасшедшим и заключили в соответствующее лечебное учреждение. Впрочем, на деятельности сектантов это совершенно не отразилось. Она развивалась беспрепятственно, ширилась. В 1816 г. скопец-миллионер Солодовников отгрохал для Селиванова настоящий дворец, «дом божий, горний Иерусалим». Со всеми удобствами – там были и личные покои, и салоны для бесед, и разукрашенный зал для радений, и хорошо оборудованные помещения для ритуальных хирургических операций с новообращенными.

В те же самые годы, когда офицеры и аристократы, будущие декабристы, создавали тайные общества и готовили восстание, развернулась усиленная пропаганда скопцов среди столичного гарнизона. Офицеры-заговорщики им не мешали. Особенно успешной была агитация в лейб-гвардии Егерском полку, там возникло гнездо сектантов. А возле «дома божия горнего Иерусалима» вереницами останавливались богато убранные кареты. Мающиеся от безделья знатные дамы, ничуть не таясь и не гнушаясь, собирались слушать проповеди и беседы Селиванова. Светское «общество» в это время как раз захлестнуло повальное увлечение мистикой. Дворяне самозабвенно ходили по спиритическим кружкам, утопали в астрологии, магии, зачитывались книжонками розенкрейцеров, «тайнами храма», «чашами Грааля» и прочей оккультятиной. Скопческие «истины» как нельзя лучше ложились в общую струю.

А вдобавок нравы царили более чем вольные, не иметь любовников и любовниц было как будто и неприлично. Но знать пресытилась обычным развратом. Тянуло к чему-то более острому, опасному, болезненному. В секте оно существовало. Тут воочию соприкасались с людьми, прошедшими страшное и неведомое. Особо ценным гостям разрешали скрытно полюбоваться, как калечат соблазвившихся мужиков и девок. И многих гостей самих влекло в пропасть. Среди «посвященных» появились не только простолюдины, но и гвардейские офицеры. А уж экзальтированных поклонниц Селиванова сдерживала лишь тогдашняя мода со слишком глубокими декольте – «печатаей» никак не спрячешь. Пожалуй, даже это не оставило бы, просто не решались стать первыми. Найдись первая рискнувшая, и, глядишь, покатила бы новая светская мода...

Но в 1818 г. губернатором Санкт-Петербурга был назначен герой пяти войн, генерал от инфантерии Михаил Александрович Милорадович. И вот он-то взялся за скопцов по всей строгости закона. Ему мешали, тормозили, да еще как! Вмешивались высокие покровители, передавали еще более высокие «пожелания». Милорадовича это не останавливало, он не оглядывался ни на кого. Скопцы пробовали воздействовать на него прежними, многократно испытанными методами, но подкупить губернатора оказалось абсолютно невозможно. Пытались пустить в ход и клевету, сфабрикованные обвинения. Тоже не помогло. Репутация генерала была настолько чистой и безупречной, что никакая грязь к ней не прилипала. Опираясь на столичного обер-полицмейстера Горголи, Милорадович собрал достаточные доказательства, и в ноябре 1819 г. начались аресты. К июлю 1820 г. разветвленная питерская организация была полностью ликвидирована, весь ее костяк пересажали, а Селиванова отправили в одиночное монастырское заключение в Суздаль.

Минуло несколько лет, и Милорадович так же прямо и смело выступил против декабристов, пал на Сенатской площади от пули Каховского. Между прочим, вспомнили, заговорили шепотом – вот она, «кара», за то, что поднял руку на «священную» особу Селиванова. Но о какой-либо прямой связи Каховского со скопцами никаких данных нет. А Милорадович представлял немалую опасность и для масонов: выехав на площадь и заговорив с обманутыми солдатами, он со своим колоссальным авторитетом запросто мог повернуть штыки воинов на самих заговорщиков.

После подавления восстания сектанты не успокоились, пытались действовать самостоятельно. Не жалели денег, скопческая пропаганда в 1826–1827 гг. достигла максимального размаха. Дошли и до самозванчества, очередного кандидата в «христы», Алексея Громова, провозгласили «цесаревичем Константином». Но Николай I, в отличие от старшего брата, либеральничать не любил, а выступление декабристов весьма красноречиво подтвердило – порядок надо наводить крепко и решительно. Скопцов наконец-то признали «особо вредной сектой» и разгромили их структуры по всей стране. Селиванов из заключения так и не вышел, умер в 1832 г. Остальным сектам тоже досталось, да так, что только клочки полетели. Эти клочки разлетались кто куда – в Турцию, Персию, Среднюю Азию. Царь серьезно

прищемил хвост и масонам. Именно за это его так окарикатурили и оплевали в российской и зарубежной либеральной истории.

А «гонимые» организации никуда не исчезли, уцелели. Масоны снова широко развернулись при Александре II, захватили ключевые посты в правительстве. Ожили и секты. Но прежние секты заняли в России уже довольно скромное место. Их оттеснили другие, широко внедрившиеся из-за рубежа: баптисты, адвентисты, иеговисты, пятидесятники, теософы, антропософы и пр. Скопцы восстановили свой финансовый бизнес, снова покупали взятками закрытые глаза начальства, вербовали сторонников. Но и здесь они утратили приоритет. Его перехватили иные банкиры. Оказалось, что для финансистов и предпринимателей все-таки выгоднее иметь потомков. Отпрысков связывали браками друг с другом, с зарубежными банкирскими домами, и создавались мощные транснациональные корпорации. Куда уж с ним было тягаться прежним менялам!

Да и соблазны для шатающейся человеческой веры нашлись более действенные: научные и псевдонаучные открытия, закордонные авторитетные мнения, опять же – денежные вливания, жажда новизны, попустительство властей, вынужденных считаться с мировой и своей «общественностью». Если при Анне Иоанновне за вероотступничество рубили головы, а в XIX в. любые полуязыческие и изуверские ереси, чтобы привлечь последователей, вынуждены были хотя бы маскироваться под «христианские», то в начале XX в. настала полная «свобода» отвергать Бога, кощунствовать, пропагандировать самые извращенные учения. Зато в деле Бейлиса, иудейского сектанта, арестованного в Киеве по обвинению в ритуальном убийстве русского мальчика, в защиту подсудимого дружным хором поднялась вся российская «общественность», пресса, интеллигенция.

Старообрядцы вроде бы, как и раньше, отстаивали «неповрежденную веру», и Николай II даровал им свободу вероисповедания. Но и у них понятия о вере оказались совсем не однозначными. Уральские казаки-старообрядцы революцию 1917 г. не приняли, сохраняли верность царю, даже уже убитому, и сражались без компромиссов, до последнего. А богатое старообрядческое купечество, промышленники, банкиры, отблагодарили государя предательством. Фабриканты наподобие Морозовых укрывали и финансировали безбожников-революционеров. В 1915 г. Старообрядческий съезд поддержал масонский Прогрессивный блок Думы и его программу разрушения России. Хотя съезд, разумеется, представлял не уральских или гребенских казаков, а тех же фабрикантов и банкиров во главе с Гучковым, которые сами же вместе с «братьями», «вольными каменщиками», создавали Прогрессивный блок, а потом разыграли заговор Февральской революции. Что уж тут оставалось «неповрежденным», вера или вражда к ней?

Запад не уставал замусоривать Россию сектантами даже в страшные годы гражданской войны. По стране зверски убивали православных священников, нарком по военным и морским делам Троцкий намечал строить памятники Иуде Искарйоту, а одновременно американская «Христианская ассоциация молодежи» (сектантская) взяла на себя снабжение и обеспечение питанием 10 тыс. красноармейцев. А в 1920-х, в период засилья троцкистов, погромов и разграбления церквей, закрытия монастырей, репрессий православного духовенства, сектанты в Советской России вообще не подвергались преследованиям!

Наоборот, им передавали отобранные у православных храмы. В стране вполне официально действовали представительства международных сектантских организаций. Под их эгидой даже возник «Бапсомол», баптистский союз молодежи, он вел работу открыто и весьма широко. В период нэпа было создано более 400 сектантских кооперативов, объединенных в «Братство взаимопомощи», в Москве открывались протестантские столовые, возникали многочисленные сельскохозяйственные сектантские «коммуны», и это не только не возбранялось властями, а всячески приветствовалось. А в результате численность сектантов

за 1920-е годы возросла в 5 раз! Люди испытывали потребность молиться Богу, а православных храмов поблизости не стало, вот и тянулись, куда получится.

Потом, правда, пришлось пострадать заодно с православными. В конце 1920-х – начале 1930-х и оставшиеся церкви закрывали, и сектантские организации разгоняли, и по тюрьмам и лагерям подгребали. Еще одна кампания гонений прошла в 1960-х, потихоньку продолжалась в 70-х, 80-х. Тем не менее сектам было легче сохраниться, чем православным общинам. Им не требовалось храмов, священнослужителей, им проще было уйти из-под контроля. Наконец, что немаловажно, они получали помощь и поддержку из-за рубежа.

О постсоветской, «демократической» России, в общем-то, и говорить не приходится. Тут уж постарались расплодить такую мерзость, что бывшие монгане со скопцами, по сравнению с ней, выглядят чуть ли не ангелочками. Наверное, даже во времена ветхозаветных пророков, возмущавшихся грязными культами Молохов, Ваалов и Астарт, не существовало религий, которые нынче были придуманы специально для русских. И в условиях духовного разброда люди все так же клюют, тянутся в пропасть. Заодно и раскольников добавили. Ужасаешься безобразиям, хочешь веру сберечь? Без проблем! «Учителя» легко найдутся. Доходчиво наставят «удаляться и бегати», а скоро, глядишь, и самосжигаться позовут, уж на это закордонные и отечественные спонсоры не преминут раскошелиться, дровишки оплатят. Почему бы не уговорить спалиться тех, кто до сих пор еще задумывается о вере? Без них будет спокойнее...

Ну а большинство людей в религиозной мешанине предпочитает просто отгораживаться от нее. Так легче. Не надо выбирать, страдать, переживать. Удобнее держаться от духовных вопросов подальше. Глубокомысленно повторять газетные рассуждения, что, наверное, все конфессии и секты в чем-то правы, а в чем-то не правы, но в чем именно – не наше дело. Вместо этого мудро есть и мудро спать, мудро ходить на работу. Мудро стараться заработать побольше, чтобы закупить побольше. Мудро погрязнуть под гипноз телевизионной лабуды или влипнуть с головой в Интернет. Или мудро спиваться... Хотя неверующих людей не существует, и такой образ жизни – тоже религия. Также сознательный выбор, вера.

Вера, что так и надо: есть, спать, зарабатывать, покупать, внимать потокам массовой информации, пользоваться доступными удовольствиями, кому в дорогом ночном клубе, а кому из горла под забором. Жить в кругу насущных забот, устраивать его с возможным комфортом, а остальное лишнее. Все остальное как-нибудь образуется без тебя, само собой. Это и есть та самая религия, которую насаждает масонство «для большинства», для быдла. Религия духовного оскотления. Гонись, как евнух, за деньгами ради денег, слушай телевизионных евнухов-«пророков», доводи себя до экстаза, дрыгаясь на каких-нибудь радениях – рок-концертов, футбольных болельщиков, корпоративных вечеринок, политических выборов, митингов, какая разница?..

Правда, русский народ породила совсем другая религия. Православная. И не столь уж много времени прошло с тех пор, когда слово «русский» автоматически означало – православный. Но отсюда следует и однозначная обратная зависимость: не православный – значит, не русский.

Гнойник второй Звезда пленительного счастья?

14 (25) декабря 1825 г. батальоны лейб-гвардии Московского, Гренадерского полков и Флотского экипажа вышли на Сенатскую площадь. Равнение шеренг. Великолепие мундиров. Блеск эполет. Яркие плюмажи на киверах. Толпы столичной публики. Кареты дам, обмирающих от волнения. Породистые лошади. Французская речь. Святой ореол борьбы за свободу... Залпы картечи. Окровавленный снег. Пять приговоренных на виселице. Пестель, Рылеев, Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин, Каховский. Самоотверженные жены и невесты, едущие сквозь снега в страшную глухую Сибирь... Эта картина два столетия будоражила воображение интеллигенции, молодежи. Вспомните, с каким чувством смотрели фильм «Звезда пленительного счастья», как брала за душу песня «Кавалергарда век недолог...», как жалко их было, лихих и прекрасных «кавалергардов».

А во времена перестроек и демократизаций историки, журналисты, публицисты вздыхали над драмой декабристов: ну почему же они не смогли победить? Ведь, наверное, вся наша история пошла бы по другому пути? В России установилась бы просвещенная демократия, страна избежала бы катастрофы 1917 г., развивалась и богатела, подобно Америке. Завершались подобные размышления сакраментальной фразой: «Увы, история не имеет сослагательного наклонения».

Но при этом за пределами внимания исследователей остается очень важная сторона вопроса. Ведь отнюдь не случайно в дореволюционной России ставились в один ряд «враги внешние и внутренние». И они действительно были взаимосвязаны. Тайная война, использование чужих междоусобиц с древнейших времен являлись мощными инструментами международной политики. Еще в эпоху Киевской Руси короли Польши, Венгрии, германский император и другие монархи поддерживали тех или иных кандидатов на русские княжеские столы – разумеется, не из альтруизма, а в расчете на собственные выгоды. Впрочем, и русские князья пользовались теми же методами.

Ну а когда стала усиливаться Московская Русь, проявился и фактор противостояния «Восток – Запад». Сначала, в течение 300 лет, России пришлось вести борьбу за само свое существование с Литвой и Польшей. В ходе этой борьбы широко применялись и тайные методы. Польские короли привечали и переманивали перебежчиков, поддерживали оппозицию бояр и удельных князей, сепаратистов в Новгороде. Использовали Курбского и ему подобных для информационной войны, распространяя клевету о нашей стране. Засылали агентуру для покушений на русских властителей. Устраивались идеологические диверсии. В XVI в., начиная войну с Россией, Сигизмунд II впервые выдвинул пропагандистский лозунг ее «освобождения» от царской «тирании». А самой крупной диверсией стала Смута 1604–1613 гг., организованная путем заброски Лжедмитриев.

Только при Алексее Михайловиче, в войне 1654–1667 гг., Польшу удалось сломить, она покатила в упадок. Россия стала бесспорным лидером Восточной Европы. Но после этого ее главной соперницей становится Франция – лидер тогдашней Западной Европы. Она взяла под покровительство и ослабевшую Польшу. Именно Франция на протяжении полутора веков досаждала России, натравливая на нее соседей – шведов, турок, поляков. И все это время опять использовались закулисные подрывные методы. Ну а когда Россия сумела сокрушить Францию, ее главной соперницей стала Англия. Ведь она претендовала на мировое господство и являлась в XIX в. величайшей на Земле империей (включая в себя множество колоний и полуколоний). Причем Англия в борьбе против России взяла под покровительство и Францию...

Но противостояние нашей страны с Западом оказывалось гораздо глубже, чем обычная международная конкуренция. Оно было не только политическим и экономическим, а еще и духовным. Со времени гибели Византии Россия стала мировым центром и оплотом православия. Это вызвало ярую вражду со стороны западного католицизма. Поляки в войнах с русскими получали поддержку от всей Европы.

С XVI в. католичество начало интенсивно разрушаться. Забурлила Реформация. Для высших слоев западного общества устои христианской морали вообще становились помехой. Пошла переориентация на философские теории, по сути антихристианские, где приоритет отдавался не вере, а разуму. А с другой стороны, рвалась к власти народившаяся буржуазия. Финансисты, купцы, промышленники набирали силу под эгидой абсолютизма. Сильные монархии защищали их, открывали пути для обогащения. Так было и в Голландии, и в Англии, позже и во Франции. Но монархии и церковь ограничивали хищничество. Теперь воротилам хотелось захватить рычаги управления под собственный контроль. Протестантские религии стали идеологическим знаменем «буржуазных революций».

Однако фанатизм радикальных сектантов был слишком разрушительной силой, наделал ужасных бед в тех самых государствах, где буржуазия раздула революционные бури. Для кругов, желающих продолжить переустройство мира в свою пользу, понадобился другой инструмент, другие формы организации. Таким инструментом стали масонские ложи. Как бы внерелигиозные, делающие упор на «просвещение» – но в действительности воинствующее «просвещение» противопоставлялось христианству, традиционным устоям государственности, морали. Масонство сформировало идеологию либерализма, культ «свободы».

В XVIII в. ложи возникли и умножались в разных странах, и первой их крупной победой стала так называемая Великая французская революция, уничтожившая короля, аристократию, французскую церковь, залившая всю страну потоками крови. Но масонство не было и атеистичным. Разрушая христианство, оно обращалось к «мудрости» древних сакральных культов, каббализму, гностицизму. В период той же «великой» революции якобинцы пытались внедрить культ «мирового разума» или некоего «высшего существа», которое отнюдь не было христианским Богом. Скорее, его противоположностью. Впрочем, за кулисами масонства всегда находились и другие «высшие существа», земные олигархи. И если якобинцев, в конце концов, отправили на гильотины, если после воровства и разгула Директории к власти пришел Бонапарт, то его победу обеспечили не только военные таланты. Обеспечило и то, что он был ставленником Ротшильдов. А идеи либерализма Наполеон тоже эффективно использовал – например, распространяя в странах потенциальных противников пресловутый «наполеоновский кодекс» (который в собственной державе вводить никогда не собирався).

Россия на пути исторического развития подвергалась атакам различных идеологических сил. Сначала ее усиленно обрабатывали католическая агентура, иезуиты. Силились склонить государей к принятию унии, засылали агентов влияния наподобие Симеона Полоцкого. Втягивали в свои сети склонных к «западничеству» государственных деятелей – канцлеров Ордина-Нащокина, Голицына, царевну Софью Алексеевну. А с XVIII в. стали почковаться масонские структуры.

Их деятельность в России запрещалась трижды – указами Екатерины Великой, Павла I и Александра I. Но указы не выполнялись. Сам Павел I был убит масонами-заговорщиками. А в правление Александра ложи «вольных каменщиков» расплодились в полной мере. Этому немало способствовала сильная космополитизация российской аристократии и дворянства. Роднились с иностранцами, в гувернеры и учителя нанимали иностранцев, в «высшем обществе» самыми престижными считались иезуитские школы и институты. В конце XVIII в. Суворов вдохновлял офицеров и солдат словами: «Вы русские!» – а уже в начале XIX в.

русские аристократы общались между собой по-французски, их дети не умели по-русски писать.

При таком отрыве от национальных корней верхушка общества заражалась учениями спиритов, мистиков, а масонство стало повальным увлечением молодежи, как бы модной «игрой». Но игра была отнюдь не безобидной. В Англии и Франции произошло сращивание крупного капитала и государственной власти, и масонские связи, идеи использовались этими державами во вполне определенных политических целях. Когда масон Радищев, душевно нездоровый человек, публиковал «Путешествие из Петербурга в Москву», гипертрофированно сгустив черные краски, неужели он предназначал свое произведение для российской «общественности»? Да весь цвет современной ему «общественности» состоял из помещиков-крепостников! Нет, это была идеологическая диверсия, рассчитанная на резонанс за рубежом. И как раз поэтому Екатерина сочла, что он «бунтовщик опаснее Пугачева». А вот масон Карамзин никогда в бунтовщиках не числился. Но вреда для России натворил куда больше, чем Радищев, – исказив историю своей страны. Более того, он обеспечил искаженный фундамент для будущих зарубежных и отечественных историков. Но царь его не осудил, а наоборот, обласкал – поскольку сам уже был заражен «просвещенным» западничеством.

Что ж, в случае победы декабристов история России и впрямь пошла бы по совсем другому пути. Но вовсе не по пути блага и процветания. Она просто на сотню лет раньше рухнула бы в хаос. Несмотря на то что «история сослагательного наклонения не имеет», вычислить это совсем не трудно. Ведь незадолго до России Англия и Франция осуществили подобную операцию с Испанией. В начале XIX в. она оставалась обширнейшей мировой державой. Мало того, она являлась главным оплотом ортодоксальной католической церкви. Отнюдь не случайно Испания, наряду с Россией, была одной из двух стран, которых так и не смог одолеть Наполеон. Крестьяне там сохранили искреннюю веру в Бога, отчаянно шли на смерть, но истребляли захватчиков.

Величие Испании на международной арене и ее экономический фундамент обеспечивали владения в Америке. Они процветали, жили очень богато. Заморские провинции населяли разные народы, но администрация, аристократия, интеллигенция состояли из таких же испанцев, как в метрополии. У них были родственники в Испании, они ездили туда, получали образование в испанских университетах. Никакого ущемления прав и в помине не было. Однако среди офицеров, интеллигентов, помещиков, как и в России, множились масонские организации. Креолам, т. е. испанцам, родившимся в Америке, через эти структуры внедрялись убеждения, что они – другой народ, Испания подавляет их независимость. Надо бороться! В 1810—1820-х гг. по Америке прокатилась цепь национально-освободительных революций.

Но одновременно в самой Испании масонам внедрялись другие идеи – монархия стала тормозом прогресса, пора свергнуть ее. На Пиренейском полуострове тоже разгорелась революция. Причем испанские революционеры отнюдь не признавали отделения американских владений. Требовали восстановить державу, посылали за океан войска. Да уж куда там! В гражданской войне монархисты схлестывались с республиканцами, взрывались мятежи и перевороты, в Мадриде менялась власть. Подавить восстания в Америке Испания не смогла. Надорвалась, ослабла и вообще выбыла из числа «великих держав», надолго скатилась на уровень второстепенного государства. Ее политику стали регулировать Франция и Англия.

Ну а Латинская Америка под властью Мадрида была единой, разделяясь лишь на административные единицы – вице-королевства, губернаторства. Теперь жители различных провинций не только отпали от Испании, но и передрались между собой. Ссорились из-за персонального лидерства вождей, из-за различий в системах управления. Гражданские войны унесли 1,5 млн жизней. В итоге Латинская Америка обрела независимость, но осталась

раздробленной, обескровленной, нищей. Попала в полную экономическую и политическую зависимость от той же Англии.

Позже ее сменили в роли «хозяев» США. И дальнейшая судьба латиноамериканских государств представляла собой почти два века колебаний. В одну сторону – к либерализму, демократии, «свободам», что оборачивалось коррупцией, воровством, разгулом преступности и анархией. Для спасения предпринимались перевороты, устанавливались диктатуры. А когда народу надоедал полицейский режим, снова разворачивалась борьба за демократию. «Хозяевам» же оставалось только регулировать этот процесс, поддерживая то диктаторов, то «свободы».

Ясное дело, латиноамериканские масоны, разворачивая борьбу за свободу, отнюдь не ставили целью превратить свои страны в «банановые республики». Среди них были герои, жертвовали жизнями, как считали, за светлое будущее. Да и испанские масоны, начиная революции, не желали развалить свою державу. Те и другие искренне верили, что под флагами «свободы, равенства, братства» достигнут прогресса и благоденствия. Но масонство лживо. Оно подталкивает своих адептов туда, куда нужно высшим иерархам. Поддерживает их, пока нужны, и запросто жертвует, когда это окажется целесообразным.

В данном случае действия обеих сторон координировали и направляли режиссеры из Лондона и Парижа. А они-то отлично представляли, чего хотят и что должно получиться в разыгранной комбинации. Кстати, еще одним результатом крушения Испанской мировой империи стал окончательный подрыв позиций католической церкви. Римом принялись помыкать французские, австрийские, итальянские политики, переплетенные с масонством, да и сам Ватикан утратил самостоятельность, превращаясь в инструмент западных закулисных кругов.

Россия была второй державой, оказавшейся не по зубам Наполеону. И первой, кто смог сокрушить его. Победа вознесла нашу страну на вершину мировой политики. Стоит ли удивляться, что у нас одновременно с Испанией активизировались сходные процессы? Один за другим рождались тайные кружки – «Союз спасения», «Союз благоденствия», «Общество первого согласия», «Общество соединенных славян», «Общество военных друзей». За накрытыми столами спорили, что строить после свержения самодержавия: конституционную монархию, как в Англии, Или республику, как было некоторое время во Франции? Убивать царя или просто низложить? О том, чтобы свергать и низлагать, споров не было, это воспринималось как аксиома. Красивые лозунги «свобод» пьянили еще круче, чем вино.

Но в реальном выступлении декабристов красивого и возвышенного оказалось мало. Когда дошло до дела, половина заговорщиков, захлеб рассуждавшая на буйных пирушках о конституциях и цареубийствах, постаралась уклониться. Струсила, сидела по домам – в том числе Трубецкой, которого уже определили «диктатором», предводителем революции.

Солдат подло обманули – воспользовались тем, что после смерти Александра I войска поначалу приводили к присяге Константину Александровичу. Но он отрекся от престола, и повторную присягу, Николаю I, заговорщики объявили незаконной. Вывели колонны на Сенатскую площадь и бесцельно стояли. Это было вызвано не только растерянностью, но и другим важным обстоятельством. Против царя солдаты и матросы не пошли бы! День был морозным, нижние чины в строю отчаянно мерзли, стояли голодными. Хотя офицерам, понятно, денщики доставили шубы, нашли чем-нибудь подкрепиться.

Если и было в восстании что-либо героическое, то только смелость генерал-губернатора Петербурга Милорадовича, пытавшегося обойтись без крови и выехавшего угонять бунтовщиков. Солдаты любили его, стали поддаваться. Но Каховский выстрелил исподтишка, фактически во время переговоров, сразив заслуженного военачальника. Достоинно проявил себя и царь Николай, решительно возглавивший подавление. Причем как

только запахло жареным, большинство офицеров сбежало, бросив подчиненных на произвол судьбы.

Эхо мятежа откликнулось и в других местах. На Украине, узнав о провале и арестах в столице, Муравьев-Апостол бессмысленно поднял Черниговский полк. Был убит командир полка, Муравьев-Апостол повел солдат неведомо куда и неведомо зачем. Далеко не ушли. Их перехватили конница и артиллерия. Стреляли, опять лилась кровь, и полк сдался. В Литве пробовали взбунтовать войска Ингельстром и Вигелин, хотя успехов не добились.

Но сеть заговора ликвидировали очень быстро. Потому что пойманные декабристы сразу начинали закладывать всех друзей и знакомых. Многих оговорили невиновно, потом их отпускали. Преступления были совершены весьма тяжкие – вооруженный путч в армии, попытка переворота, повлекшая значительные человеческие жертвы. Наказание за такую вину никак нельзя назвать чрезмерно суровым. Казнили всего пятерых, главных зачинщиков. Нижних чинов и часть офицеров, вовлеченных в мятеж, даже не исключили из гвардии. Из них составили лейб-гвардии Сводный полк и отправили на Кавказ, искупать вину в боях.

Тех, кто очутился «во глубине сибирских руд», непосильной работой не замучивали, в рудниках они трудились по 3 часа в день. А большинство осужденных попало в ссылки. Или со временем переводились с каторги на поселение. Они могли получать в Сибири землю, трудиться – если было желание. Если не было, могли прожить и на пособие от казны. Некоторые, как братья Бестужевы, стали богатыми сибирскими предпринимателями. Другие писали прошения, чтобы их зачислили в армию солдатами. Но служить им доводилось не в таких условиях, как обычным рядовым. Среди офицеров у них имелись знакомые, другие командиры жалели их, предоставляли поблажки. А главное, давали возможность отличиться, чтобы можно было произвести в прапорщики. Получив хотя бы низший офицерский чин, декабрист приобретал право выйти в отставку и ехать домой.

Нет, конечно же, победа гипотетической революции принесла бы пользу отнюдь не России. Но для врагов нашей страны сгодилось даже поражение. Заработал пропагандистский аппарат, конструируя красивый миф о декабристах, окружая их блеском романтики и ореолом мучеников. На этом мифе стали воспитываться новые поколения. Причем созданные подобным образом яркие суррогаты оказались чрезвычайно стойкими. Ведь их хватило и на нашу с вами долю.

Гнойник третий Реформаторы и «рассказывание»

Будущего императора Александра II масоны постарались взять под свое влияние еще с юных лет. Внушали либеральные идеи, симпатии к бывшим заговорщикам, революционерам, евреям. А когда Александр Николаевич взойдет на трон, сразу же была объявлена амнистия декабристам и прочим политическим преступникам. Иудеи получили право поступать в высшие учебные заведения, им дозволили вести по всей России коммерческие и финансовые дела. Получившие высшее образование автоматически приобретали дворянство.

В России забурили крутые перемены. Освобождение крестьян, Судебная, Земская, Просветительская реформы. Ближайшими помощниками царя в этих преобразованиях, главными реформаторами стали Д. А. Милютин (военный министр), А. А. Абаза (министр финансов), М. Т. Лорис-Меликов (командующий Кавказской армией, позже министр внутренних дел). Все трое были связаны с «вольными каменщиками».

Провозглашались «устьность, гласность», в стране настало подобие «перестройки» с разгулом хищничества, «приватизаций», началом революционной раскачки. Можно обратить внимание и на бессмысленную продажу Аляски – это была самая «первая ласточка» утраты российских территорий. Все последующие реформаторы будут делать то же самое, заключая Брестский, Рижский мир, отдавая Крым, уходя из Восточной Европы, подписывая Беловежские соглашения...

Представляется любопытным, что реформаторы 1860-х опередили будущих революционеров и в другой области. Они впервые взяли курс на «рассказывание». Выдвигался лозунг: поскольку, мол, Кавказская война завершилась, то «роль и задача казачества уже окончены». Начинать безоглядную ломку тогдашние деятели еще не смели, но вели свою линию исподтишка. В 1865 г. в Петербурге был создан Особый комитет по пересмотру казачьих законоположений – объявлялось, что нужно повысить благосостояние и «гражданственность» казаков. Причем предложения, выработанные в казачьих войсках, комитет даже не стал рассматривать. А Милютин на первом заседании указал, что в случаях противоречий между воинскими традициями и «гражданственностью», надо отдавать приоритет «гражданственности».

Вовсю подключилась пресса. Писалось, что «архаичное» казачество не вписывается в модели «современного» государства европейского типа, в структуры европейских армий. Либеральная газета «Голос» напрямую «голосила» – мол, нужно ли ставить вопрос о благоустройстве казачьих войск и расходах на это, если спорным является вопрос «о необходимости самого существования этих войск» как «силы, боевые качества которой не могут быть совершенны».

Упразднить казачество оказалась все же кишка тонка. Поднялись протесты, да и царь на такой шаг не пошел бы. Поэтому были расформированы только Дунайское и Башкирско-мещерякское казачьи войска. Остальные решили просто развалить. По проектам А. П. Ермолова и победоносно завершившего войну с горцами генерала от инфантерии Н. И. Евдокимова (сын солдата и терской казачки) Северный Кавказ предполагалось сделать единым казачьим краем. И если для этого не хватало потомственных казаков, широко практиковалась приписка. Казаками стали дружественные горцы – часть осетин, кабардинцев. Ермолов поверстал в казаки крестьян Кавказской губернии, отставных солдат, потом осуществлялись переселения с Украины, из Центральной России. Солдат, отслуживший 25 лет на Кавказе, сумевший выжить и после этого пожелавший остаться здесь, был уже «готовым» казаком, как и местные русские крестьяне, жившие с оружием в руках. А из других губер-

ний ехали добровольцы – те, кто оказывались слабы для казачьей жизни, уезжали назад или погибали. И казаки выковывались из переселенцев «естественным отбором».

Милютин проект Евдокимова похерил, самого его спровадил в отставку и двинул в казачьи области массовое переселение крестьян. А они-то были освобождены без земли – и хлынули потоком. В 1868 г. вышли законы, позволяющие иногородним селиться на казачьих землях, приобретать собственность. А казакам предоставлялся свободный выход из Войск. В 1869 г. было принято «Положение о поземельном устройстве в казачьих войсках», в 1870 г. – «Положение об общественном управлении в казачьих войсках» – станичная община признавалась всесословной, иногородним давалось право участия и голоса в станичных сходах. Правда, только в вопросах, которые их касаются, но это означало все вопросы хозяйственной жизни. Наделы офицеров и чиновников, ранее дававшиеся вместо окладов и пенсий, превращались в частную собственность, их разрешалось продавать кому угодно. И их стали скупать пришлые. Результат: если в 1864 г. на Кубани и Тереке число иногородних составляло 1–2 %, то в 1878 г. – 18 %, а в 1880 г. – 44 %.

Реформировалась и администрация. Посты войсковых атаманов были совмещены с должностями начальников областей. То есть чиновник в первую очередь оставался гражданским начальником, а во вторую ему довели титул атамана. При этом Милютин ловко (и единолично) подправил терминологию. В своих циркулярах разъяснял, что неправильно называть «войсковой землей» всю территорию Войск. Ее надо называть землей Кубанской, Терской и т. п. областей, а «войсковой землей» – только ту, что непосредственно занята казаками. Районы же, заселенные крестьянами или горцами, надо выделять в гражданское управление.

В итоге территориальную целостность сохранили всего два Войска – Донское (оно было самым большим, и здесь войсковой атаман еще задолго до реформ получил права губернатора) и Уральское (тут земли были неплодородными, и иногородние сюда не ехали). А территория остальных Войск была раздроблена, казачьи юрты перемежались гражданскими волостями. Кое-где происходило силовое «расказачивание». Черноморский край от Новороссийска до Адлера отчленили от Кубанского Войска, стали заселять армянами. Отчленили от Кубани и Ставропольскую бригаду, 12 станиц – казаков перевели на положение крестьян. Та же судьба постигла Адагумский полковой отдел. От Оренбургского Войска оторвали западную часть Самарско-Оренбургской линии, и казаков тоже «окрестьянили». На казачьи войска были распространены общегражданские суды, земства.

В это время Милютин проводил и военную реформу. По своей сути она была важной и нужной – заменить рекрутскую систему воинской повинностью. Но когда в 1875 г. Устав о всеобщей повинности распространили на казаков, это было воспринято как оскорбление. Казаки всегда рассматривали свою службу не в качестве «повинности», а долга, своего главного предназначения. А в этом Уставе казачьи войска перечислялись даже после запаса, перед частями из инородцев. Их вообще относили не к основному составу армии, а к «вспомогательным войскам»! Срок службы казаков в строю сокращался до 4 лет. И при этом казачьи полки были распределены «четвертьми» в общеармейские кавалерийские дивизии.

Однако конницу Милютин значительно сократил. В России осталось всего 16 кавалерийских дивизий плюс единственная казачья, 1-я Донская. Таким образом, в армии мирного времени сохранилось лишь 20 казачьих полков. По новым требованиям казаки служили не все, а по жребью. А те, на кого он не выпал, платили вместо службы особый налог.

По мысли реформаторов, служба в общекавалерийских дивизиях, недолгая и не для всех, должна была стереть особенности казачества. И оно растворится среди иногородних. Логически (по логике либералов) так и должно было случиться! Быть казаком стало невыгодно с материальной точки зрения! Зачем тратить на коней, форму, оружие (хотя, может, и не призвуют в строй?), отвлекаться на сборы, войсковые обязанности, если можно запросто

выйти из казачьего состояния и заниматься собственным хозяйством, торговать, заводить промыслы? Так, как по соседству живут крестьяне. А если все же призовут (но и крестьян призывали не каждого, а по жребью), то отслужить без хлопот, на полном государственном обеспечении. Но... у казаков-то действовала другая логика. Они, несмотря ни на что, оставались казаками! Случаи выхода из казачества были единичными. А дальнейшее «расказачивание» перечеркнула сама жизнь.

В Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Милютин выступил «злым гением», едва не приведя Россию к катастрофе. Реформа армии завершилась в 1875 г., новая система еще не создала подготовленных резервов, подавляющая часть войск состояла из солдат 1-го и 2-го года службы. Но военный министр в докладах царю преуменьшил силы турок втрое. А их боеспособность объявил нулевой. Убедил, что война будет легкой прогулкой. По планам, разработанным им же, на главных направлениях сосредоточивались совершенно недостаточные силы. Вдобавок Милютин передал контракт на все довольствие армии еврейскому товариществу «Коган, Грегор, Горвиц и К^о» – и по пункту 3 заключенного с ними контракта главное командование обязалось за неделю извещать поставщиков о перемещениях частей и соединений! Если назвать это не изменой, то... как же еще назвать?

И беда действительно грянула, да еще какая! Когда небольшой Передовой отряд генерала Гурко форсировал Балканы, вдруг выявились две «неучтенные» турецкие армии! Прекрасно обученные и вооруженные крупновскими пушками, винтовками «пибоди». И если Милютин развалил русскую конницу, да еще и расплыл кавалерийские дивизии, раздав их отдельными полками в пехотные соединения, то турки создали прекрасную кавалерию как раз по образцу казаков – башибузуков из черкесов и чеченцев, вооружили их новейшими магазинными «винчестерами». Одна армия очутилась на русском фланге, заняв Плевну, другая ударила в лоб, на Шипку... Восполнить нехватку конницы сумело казачество. Оно-то и стало подготовленным резервом. Выставило 125 тыс. воинов. Составляя всего 2,2 % населения страны, казаки дали 7,4 % ее вооруженных сил! А бои с башибузуками, несмотря ни на какое неравенство, казаки неизменно выигрывали. Они еще помнили, как били тех же черкесов и чеченов на Кавказе.

А кроме того, интриганы и изменники не приняли в расчет героизм русских солдат и офицеров. Если бы турки взяли Шипку, три их армии соединились бы. Царской армии на Балканах в подобном случае угрожал полный разгром. Да ведь не взяли! Но кровь русских воинов, павших при штурмах Плевны, во многом лежит на совести Милютина и его коллег, безграмотно планировавших кампанию. А на чьей совести остаются жизни людей, замерзших на Шипке? Приятели военного министра «Коган, Грегор, Горвиц и К^о» обворовали солдат, не поставив тулупы и полушубки.

Кстати, другой реформатор, Лорис-Меликов, тоже наломал дров, командуя Кавказской армией. Действовал вяло, позволил туркам собрать большие силы, а едва они перешли в наступление, скомандовал отход. Только героическая оборона Баязета казаками 1-го Уманского полка и батальоном Ставропольского полка предотвратила вторжение врага в Закавказье. А выправлял положение и разбил турок великий князь Михаил Николаевич, получив за это орден св. Георгия 1-й степени.

После войны проекты «расказачивания» больше не поднимались, стали создаваться новые казачьи дивизии. Но масонская тройка, Милютин, Абаза, Лорис-Меликов, несмотря ни на что, удержалась у власти! Продолжала свою деятельность, навязывала царю разработанную ими «демократическую» конституцию. Лорис-Меликов стал министром внутренних дел и председателем Верховной комиссии по борьбе с терроризмом. Однако повел эту борьбу более чем странно: упразднил Третье охранное отделение (тайную полицию), амнистировал политзаключенных, вернул в университеты исключенных неблагонадежных студентов. Результаты не заставили себя ждать. 1 марта 1881 г. в карету царя полетела бомба.

Наперерез ей бросился на коне казак конвоя Александр Малеичев, приняв на себя взрывную волну и осколки. Александр II был храбрым и благородным человеком. Хотя кучер требовал мчаться во дворец, царь счел нужным выйти из экипажа, допросил схваченного прохожими террориста и склонился над умирающим казаком. В это время второй убийца бросил еще одну бомбу...

При Александре III, взявшем курс на патриотический и православный путь развития, провозгласившем «Россия для русских!», масонам-министрам пришлось уйти в отставку. А князь Александр Михайлович Дондуков-Корсаков, в прежние годы один из главных противников «расказачивания», был назначен главноначальствующим Кавказа и выявил вопиющие факты. Гражданские власти, в ведение коих попали казаки, всячески притесняли их. На них перелагали все земские повинности и подати. Земельные и прочие споры неизменно решались в пользу крестьян – у казаков отбирали то, что они завоевали своей кровью! Дондуков-Корсаков энергично взялся наводить порядок, разработал проект «контрреформ», утвержденный царем и распространенный на все казачьи войска. За это, кстати, благодарные казаки на своем сходе присвоили Дондукову-Корсакову звание «почетного старика станицы Баталпашинской». И князь до конца жизни гордился этим титулом, ставил его в один ряд со званиями доктора права Петербургского и Берлинского университетов. Но окончательно выправить то, что натворили реформаторы, уже не удалось. Не будешь же выселять массы иногородних! И куда? Таким образом в казачьих войсках остались «мины замедленного действия», работавшие уже при других масонских правителях, в гражданскую войну.

Гнойник четвертый Живые мертвецы

Российская империя была слишком могущественной конкуренткой западного мира, и не секрет, что все революционные и разрушительные движения подпитывались извне. Англичане финансировали кавказских горцев, посылали им корабли, нагруженные оружием. Франция раз за разом организовывала восстания поляков. Герцен, эмигрировавший в Лондон, устроился на содержании Ротшильда. Выделяемых средств хватало на издание «Колокола», на каналы его пересылки. В 1863 г., когда в Польше был раздут очередной мятеж и тысячами резали русских, Герцен захлебывался истерическими статьями: «Всю Россию охватил сифилис патриотизма!» Призывал Запад к крестовому походу против своего Отечества. Что ж, денежки положено отрабатывать...

Нашлись спонсоры и у Плеханова. А в 1895 г. за границу впервые вырвался молодой Ульянов, тоже нашел деньги на издание газеты. Но эти очаги оппозиции не представляли серьезной опасности для государства. Восстания инородцев подавлялись. Подпольные группы оставались слабенькими. Например, в 1898 г. Петроградская социал-демократическая организация насчитывала... 4 человека. В том же году в Минске собрался I съезд Российской социал-демократической рабочей партии – 9 делегатов (половина – из Бунда). Приняли «манифест», а потом всех арестовали. Правда, наказания были мягкими, революционеры вскоре выходили на свободу. Но Охранное отделение держало их под присмотром, без труда возвращало за решетку.

Однако быстрое экономическое развитие России, повышение ее международного авторитета слишком тревожило западные страны. Катализатором напряженности стало строительство Транссибирской магистрали. Русские осваивали Сибирь, Дальний Восток! Переполошились англичане, считавшие себя хозяевами Китая и морских перевозок между Восточной Азией и Европой. Транссибирская магистраль перечеркивала их монополию, по ней перевозка грузов пошла бы втрое быстрее и дешевле. Крайне озаботились США, для них Россия становилась прямой соперницей. На русских принялись натравливать Японию.

В общем-то, для нее воевать было очень уж сомнительно. Слишком разные «весовые категории». Но... начались некие странности в российском правительстве. Нашей армии и флоту кредиты хронически урезались за недостатком средств. А в это же время министр финансов (и масон) С. Ю. Витте выделял крупные займы Китаю. Для того, чтобы Китай мог заплатить контрибуцию японцам! И как раз на эти деньги Япония взялась вооружаться. Огромную помощь ей оказали и западные друзья. В 1901–1902 гг. токийские дипломаты провели переговоры с Рокфеллерами, Морганом и Стиллменом о размещении в США своих правительственных облигаций на 25 млн долларов. Правда, возникли проблемы. Банкиры могут иметь личные симпатии и антипатии, но они практичные люди. А вложения в японские ценные бумаги выглядели очень уж опасными. В случае русской победы запросто можно прогореть.

Переломил ситуацию глава второй по величине финансовой компании США «Кун и Лоеб» Яков Шифф. Он был личностью весьма влиятельной, родственные и деловые переплетения связывали его с банкирскими и промышленными кланами Ротшильдов, Варбургов, Зелигманов, Гульдов, Рокфеллеров, Гарриманов, Веккерсов, Оппенгеймеров, Гольденбергов, Магнусов, Канов. Кроме того, Шифф был одним из ведущих иерархов масонской ложи «Бнайт Брит». Его биограф Присцилла Робертс сообщает: «Его отвращение к политике царского правительства было так велико», что он «приложил все усилия, убеждая американских и европейских банкиров ввести эмбарго на предоставление займов русским», а для

реализации японских ценных бумаг создал специальные синдикаты. К операциям удалось подключить «Сити бэнк», «Нэйшенл бэнк оф коммерс», британских банкиров. В результате Япония смогла получить 5 займов на общую сумму 535 млн долларов. (Тогдашних. По нынешнему курсу – более 20 млрд долл.) П. Робертс признает, что эти средства «покрыли более половины японских военных расходов и, вероятно, стали важным фактором, обеспечившим победу Японии».

От деловых кругов не отставали политики. В 1902 г. Англия заключила с Японией союзный договор. Настолько силилась подтолкнуть Токио к войне, что впервые в истории была нарушена традиция британской дипломатии – не брать на себя конкретных обязательств, во всех прежних договорах англичане предпочитали сохранять «свободу рук». В антироссийский альянс Лондон втягивал Францию, Турцию. Ожилились Германия и Австро-Венгрия, увидели отличную возможность половить рыбку в мутной воде.

Но еще раз вернемся к вопросу: не слишком ли рисковали банкиры, делая ставку на Японию в готовящейся схватке с огромной и доселе непобедимой Россией? Не слишком ли рисковала Англия, принимая на себя союзные обязательства? Она только что с колоссальным трудом и потерями одолела африканских буров, куда уж с русскими связываться? Нет, организаторы заговора были уверены – они действуют наверняка. Русские заведомо не смогут победить. Для этого готовились не только японские дивизии и эскадры. Заблаговременно конструировался удар в спину.

Из займов, полученных Японией, не менее 10 млн долл. было пущено на диверсионную работу. На подпитку революции. Но средства выделяли не только японцы. Началась и прямая организационная поддержка. Как раз в это время, в 1900–1903 гг., сам характер революционного движения в России резко меняется. Вместо прежнего кучкования по кружкам и беспомощной возни дилетантов оно выходит на совершенно иной уровень. К налаживанию работы явно приложили руку профессионалы из зарубежных спецслужб.

Например, в эти годы создается система побегов из Сибири. Побегов очень простых. Ведь большинство революционеров содержалось не в тюрьмах и не на каторгах, а в ссылках. Жили в назначенном им пункте, а органы правопорядка только присматривали за ними. Чтобы удрать, требовались деньги и документы. Нужно было быстро, пока не хватились местные власти, добраться до железной дороги, сесть в поезд, и попробуй поймай! Беглец заранее получал маршрут, явки, в какой город ехать, к кому обратиться. Создать такую систему сами революционеры не могли. Они были разобщены – социал-демократы, эсеры, анархисты, бундовцы, польские и прибалтийские сепаратисты и др. Но данная система обслуживала всех. Очевидно, отлаживали ее извне. Были однозначно задействованы спецслужбы Австро-Венгрии, Германии, Англии – при пересечении границ они никогда не задерживали русских нелегалов, а впоследствии стали пропускать грузы нелегальной литературы, оружия.

В это же время была организована система по обеспечению беглецов документами. Революционеры иногда писали в своих воспоминаниях, будто доставали чистые бланки паспортов. Это ложь. Бланки хранились в полиции под строгим учетом. Если бы даже удалось их украсть, разлетелись бы предупреждения, вызвав повышенное внимание при проверках документов. Чистые бланки требовалось еще правильно оформить, да и вообще новенький паспорт сразу приметен. Нет, правда была иной. Документы добывали через врачей и администрацию земских больниц. Похищали паспорта умерших. Уж их-то никто не хватится. Пропал документ, да и ладно. Фотографий на паспортах еще не было, все штампы и подписи имелись. Эта система действовала централизованно по всей России, документы подбирались таким образом, чтобы паспортные данные старого и нового владельцев максимально совпадали, остальное подправлялось подчистками. Таким образом, нелегалы превращались в «живых мертвецов».

Революционное движение в России, по сути, создавалось заново. Одной из ключевых фигур в этих операциях стал Виктор Адлер. Видный деятель австрийской и международной социал-демократии. Одновременно – «человек Ротшильдов». При этом был очень тесно связан с разведкой и политической полицией Австро-Венгрии. Он стал «неофициально» курировать процессы в России, играл роль своеобразного «отдела кадров». Изучал тех или иных российских социалистов, оценивал, где и как их можно использовать, давал соответствующие рекомендации.

Другой важной фигурой явился Александр Парвус (Израиль Гельфанд). Сын крупного одесского торговца, он примкнул к социал-демократии, эмигрировал и обосновался в Мюнхене. Работал как на английскую, так и на германскую разведку, принадлежал к масонскому ордену иллюминатов. Впрочем, и революционная, и разведывательная деятельность у Парвуса переплеталась с бизнесом, он извлекал прибыль из всех дел, которыми занимался.

Прежний руководящий центр русских социал-демократов, «Союз освобождения труда» Плеханова в Швейцарии, для новых задач не годился. За ним давно наблюдало Охранное отделение. А сам Плеханов оторвался от живой деятельности, от России, утонул в заумных теориях. Но амбиции имел чрезвычайные. Если кто-нибудь пытался не согласиться с ним, оскорблялся: «Еще ваши папеньки и маменьки пешком под стол ходили, когда я...» Теперь за Плехановым оставили роль «знамени», но Парвус начал создавать другой центр, в Германии. Тщательно законспирированный. Были задействованы десятки «почтовых ящиков» в Германии, Австро-Венгрии, Италии, Англии. Пересылки с Россией осуществлялись через несколько пунктов. Например, корреспонденция приходит на имя немецкого врача, он пересылает ее владельцу чешской пивной, тот передает дальше. Крупская описывает, какая путаница возникала из-за подобной конспирации у неопытных еще русских революционеров – как Шляпников, Бабушкин, она сама, руководствуясь адресами переписки, заезжали не в те города, не в те государства. В общем, судя по всему, в организации этой сети тоже поучаствовали весьма квалифицированные специалисты разведок.

Для нового центра требовались новые кадры. Одним из тех, на кого обратил внимание Парвус, стал Ульянов. В 1900 г. он освободился из ссылки в Шушенском. В столицах жить ему запретили, он поселился в Пскове. Но задержался здесь лишь на пару месяцев. Все данные показывают, что не он отыскивал нужные контакты, а на него вышли извне. Владимир Ильич как-то резко окрылился и засобирался за рубеж. Перед отъездом чуть не влип. Заглянул в Петербург встретиться с Мартовым, и их задержала полиция. Крупская пишет, что у Ульянова «в жилетке было 2 тысячи рублей... и записи связей с заграницей, писанные химией на листке почтовой бумаги, на которой для проформы было написано чернилами что-то безразличное». Как видим, зарубежные «друзья» снабдили его весьма крупной суммой, явками. Но жандармы не обратили внимания на деньги и «безразличные» бумаги. Деньги – это не криминал. Пожурили лишь за то, что нарушил режим проживания. Предупредили, чтобы больше так не делал, и выпустили.

Ульянов выехал из России легально. Но дальше предполагалась конспиративная жизнь, и ему обеспечили паспорт умершего дворянина Вологодской губернии Николая Ленина. Отсюда и псевдоним, затмивший настоящую фамилию. Псевдоним, запечатлевшийся потом в названиях городов, областей, площадей, улиц, на пьедесталах памятников и мраморе мавзолея... А делом, ради которого привлекли Владимира Ильича, стало издание газеты «Искра». Плеханов строил проекты, что она должна будет выходить в Швейцарии, под его началом. Но Парвус не собирался подстраиваться к этой отработанной фигуре. Газета требовалась новая, лидеры новые. Под предлогом конспирации Парвус разместил редакцию у себя, в Мюнхене. А спорить с ним не приходилось. Деньги теневых спонсоров прокачивались через него.

Он реализовывал именно тот проект, который был озвучен Лениным: газета должна стать не только агитатором, но и «коллективным организатором». Создавалась сеть агентов «Искры» в Германии, Франции, Швейцарии, Бельгии. На их базе возникла обновленная эмигрантская организация – Заграничная лига русской революционной социал-демократии. Организовывались каналы для переправки газеты в Россию. А внутри России формировалась сеть штаб-квартир и корреспондентских пунктов. Они становились «заготовками» будущих партийных структур.

Кроме Ульянова, Парвус привлек в Мюнхен Мартова, Потресова, Засулич, Инну Смидович (Леман). Все они получали весьма неплохие оклады. Например, Ленин и Крупская сняли отдельную квартиру в Швабинге, элитном пригороде Мюнхена, где располагался особняк самого Парвуса. Ходили к нему в гости, дружили семьями. Правда, в апреле 1902 г. повздорили, и Ленин уехал в Лондон. Возможно, из-за финансовой нечистоплотности Парвуса, часть поступающих средств «прилипала» к его рукам. Но личные отношения никоим образом не сказались на революционной работе! Куда там! Спонсоры требовали результатов, и заказы добросовестно отрабатывались, невзирая на персональную дружбу или вражду. Третий центр российских социал-демократов, лондонский, мог в чем-то спорить со швейцарскими и мюнхенским, но не противостоял им, а дополнял их. Он даже получил преимущества – ведь Англия в это время стала союзницей Японии.

Продолжался и поиск новых активистов. К революционной деятельности начали активно привлекать уголовников (скоро они возглавят дружины боевиков). А в сибирской ссылке в Верхнеленске обретался недоучившийся студент Лев Бронштейн. Трудился приказчиком у местного купца, подрабатывал журналистикой, публиковался в иркутской газете «Восточное обозрение». Его статьи заметили и оценили где-то на высоком уровне. В 1902 г. для него, еще никому не известного журналиста-любителя, устроили побег. Организация была очень четкой, явно целенаправленной. Он быстро промчался на санях до Иркутска. Кто-то (кто – неизвестно) ждал его. Лев получил деньги, приличный костюм, документы, билет. Сел в поезд – и поминай как звали. В мемуарах указывал, будто в чистый бланк паспорта вписал ради шутки фамилию тюремного надзирателя, Троцкий. Но это вранье. Вписывание собственной рукой могло дорого обойтись при любой проверке документов. Ведь опытный глаз сразу заметит разницу между «профессиональным» почерком полицейского писаря и дилетанта. Но, как уже говорилось, действовала централизованная система. Льву Давидовичу достался паспорт отставного полковника Николая Троцкого, умершего в Екатеринославе.

Путь для очередного «живого мертвеца» был проложен заранее. Он доехал до Самары, где размещалась российская штаб-квартира «Искры». Получил от здешнего резидента Кржижановского очередную порцию наличных, дальнейший маршрут и явки. Отправился на Украину. В районе Каменец-Подольска его снова ждали. Передали по цепочке через границу на территорию Австро-Венгрии. Как выяснилось, Троцкого-Бронштейна встречали и здесь. Некие хозяева явки обеспечили всем необходимым, посадили на поезд. Молодой беглец прикатил в Вену.

Явился он прямехонько на квартиру... уже упоминавшегося Адлера. «Кадровика» международных социалистов. Почему-то видный австрийский политик ничуть не удивился визиту незнакомца в воскресный день. Радушно принял, накормил, побеседовал. Судя по всему, остался доволен. Счел Троцкого фигурой, заслуживающей внимания и пригодной к использованию. Видный австрийский политик, как заурядный шеф шпионской организации, выдал гостю новый комплект документов! Снабдил его валютой – и направил дальше. От Адлера Троцкий, уже со всеми удобствами, отправляется в Лондон, к Ленину. Ранним утром врывается в квартиру, которую снимали Владимир Ильич и Крупская, подняв их с постели – задорный, радостный. Они становятся друзьями...

В 1903 г. атмосфера стала накаляться, а различные звенья антироссийских сил – связываться воедино. На Пасху в Кишиневе была устроена провокация. Непонятные группы лиц еврейского происхождения допустили вдруг грубейшие выходки, кидая грязью и камнями в крестный ход, в иконы. Конечно же, это возмутило верующих. И тут как тут в толпах появились некие женщины. Кричали о ребенке, якобы похищенном евреями для ритуального жертвоприношения. Кто это был, впоследствии так и не нашли. Но результатом стали столкновения на религиозной почве. Как выяснилось, средства массовой информации к происшествию были заранее подготовлены. Телеграфные агентства мгновенно разнесли по миру известия о погроме, резне, сотнях жертв – чего и в помине не было. Российское правительство выступило с разъяснениями и опровержениями. Но западная пресса их как бы не замечала, продолжая раздувать пустословную шумиху.

Кстати, именно эта истерия помогла Шиффу с компаньонами завершить операции по реализации японских займов. Англичанам скандал помог втягивать в антироссийский блок французов. А для революционеров нагнетание антироссийского «общественного мнения» помогало вербовать сторонников. Обозначились и шаги по их мобилизации для предстоящих задач.

В июле 1903 г. Брюсселе собрался II съезд РСДРП – на нем предполагалось слить различные группировки социал-демократии в единую боевую партию. Прибыли 44 делегата от разных организаций. Ведь для всех и документы нужны были, и солидные суммы на проезд, проживание. Правда, вышла накладка. Маленькая нейтральная Бельгия в международных интригах не участвовала. Ее полицию крайне встревожило подозрительное сборище. Ну не беда! У организаторов хватило средств на общий переезд в Лондон. Здесь территория была уже «союзной», антироссийской, никто заседать не мешал.

Однако задумки с объединением сорвались. Разногласия возникали по разным поводам, но истинная причина была одна – лидеры не хотели подчиняться друг другу. Мартов обвинил Ленина, что тот насаждает «диктатуру», и только что созданная партия раскололась на «большевиков» и «меньшевиков». Хотя эти названия оказались более чем условными. 20 из 44 делегатов не примкнули ни к тем, ни к другим. Плеханов сначала присоединился к большевикам. Но Мартов в знак протеста против решений съезда вышел из редакции «Искры», и Плеханов изменил позицию, перешел на его сторону – Мартова он считал более ценным сотрудником, чем Ленина. А Троцкий вдруг от Ленина метнулся к меньшевикам. Как Владимир Ильич, так и Лев Давидович в ходе полемики крепко перешли на личности, а в терминологии оба не стеснялись. Из друзей превратились во врагов. Но вскоре Троцкий и с меньшевиками перегрызся. В общем, вместо единения переругались напрочь.

Нет... планам подготовки революции это ничуть не помешало! Троцкого взял под личное покровительство Парвус. А все поделившиеся фракции могли сколько угодно ссориться, бодаться, обзывать. Тем не менее за работу взялись совместно! Как же иначе, если этого требовали заказчики? Хотите денег – извольте мириться и договариваться. Мобилизовывались не только социал-демократы. Либеральную буржуазию, масонствующих общественных деятелей в конце 1903 г. потянуло вдруг в Париж. Как будто оттянуться, погулять на Рождество в здешних ресторанах и кабаре. Попутно происходили заседания, совещания, и были созданы две нелегальные организации – будущие партии октябристов и кадетов. Активизировались и эсеры, анархисты. Словом, игра шла беспроигрышная. Теперь японцы могли уверенно наносить удар.

Гнойник пятый Провокация «Кровавого воскресенья»

В 1904 г. в Маньчжурии загремели сражения с японцами. План войны был продуман грамотно. Дело в том, что ресурсы России и ее военная мощь многократно превосходили японские, но на Дальнем Востоке дело обстояло наоборот. Япония могла беспрепятственно перебрасывать морем войска и снабжать их, а русских сил там было мало. Пополнения требовалось везти через всю Сибирь. На этом и строились планы Токио. Внезапным нападением уничтожить флот и быстро разгромить русские войска – до того, как подтянутся соединения из Европейской России. Эта стратегия определила и сроки войны. Транссибирская магистраль была построена, но еще имела разрыв у Байкала. Япония поспешила ударить, пока он существует, пока железнодорожные ветки там не сомкнулись.

И все-таки план провалился. Русский флот понес потери, но уцелел. Неприятеля надолго связала героическая оборона Порт-Артура. А главнокомандующим полевой армией стал генерал от инфантерии Алексей Николаевич Куропаткин. Он был учеником и соратником Скобелева, настоящим «отцом-командиром», солдаты любили его беззаветно. Куропаткин сразу разгадал расчеты японцев. Он навязал противнику позиционные, а не маневренные боевые действия. По тогдашним общепризнанным доктринам это считалось позором, полным неумением воевать. Но для японцев было гибельным. Они изматывались, несли огромные потери в атаках укрепленных позиций. А русские выигрывали время, перебрасывая в Маньчжурию новые контингенты.

К концу 1904 г. положение выглядело очень тяжелым. Порт-Артур пал. Армия Куропаткина сдала противнику ряд китайских городов. Хотя в действительности ситуация была отнюдь не катастрофической. Мало того, в ближайшее время ход войны должен был перемениться с точностью до наоборот. Тактика Куропаткина дала свои плоды. В Маньчжурии сосредоточились уже не одна, а три русские армии, 38 свежих дивизий против 20 японских. Причем неприятельские соединения были обескровлены. Они понесли потери в 2–3 раза больше русских. Офицерский и унтер-офицерский состав был повыбит. Пополнения прибывали необученные, из юных мальчишек. В боях стало наблюдаться новое явление – японцы большими группами сдавались в плен, чего на предыдущих этапах войны никогда не бывало. Донесения разведки сообщали о панических настроениях в Токио. Готовящееся русское наступление должно было закончиться полным разгромом противника.

Но... мы уже говорили, что Япония действовала отнюдь не в одиночку. За ней стояли англичане, американцы. Великобритания вдруг заключила союз с Францией – которую в России считали дружественной. Подключилась Турция, не пропускала русские корабли через Босфор, устраивала демонстративные провокации с резней армян – а царь считался их покровителем. Не остались в стороне и силы «мировой закулисы», помогшие японцам изготавиться к войне. Банкиры – люди основательные. Можно ли было допустить, чтобы огромные средства, вложенные в японские ценные бумаги, вылетели в трубу? Нет, западные воротилы и политики играли наверняка. Рассчитывали таким образом, чтобы Япония победила в любом случае. Для этого готовился удар в спину.

В прошлой главе мы уже отмечали: буквально накануне войны, в январе 1904 г., за границей были созданы нелегальные организации русских либералов – зародыши будущих партий кадетов и октябристов. А дальше началась классическая «раскачка». Российская либеральная и западная пресса запели в унисон, раздувая неудачи нашей армии, позоря «бездарность» военачальников, многократно преувеличивая потери. В едином хоре сходились разные течения. Одни протестовали против «ненужной» войны. Другие убеждали, что в

поражения виноват «прогнивший режим», и стоит его изменить – и все пойдет иначе. Третьи просто полагали, что не грех воспользоваться ситуацией ради политического выигрыша. Пускай нашу армию побьют покрепче – это откроет дорогу к «свободам», а кое-кому к власти.

Осенью оппозиция резко активизировалась. В октябре 1904 г. русские либералы и революционеры различных партий – социал-демократы, эсеры, анархисты – провели в Париже совещание, договариваясь о совместных действиях. В Женеве был создан «Союз освобождения», который координировал деятельность всех партий, распределял финансы. Вскоре «Союз» переместился в Россию, начал создавать ответвления. Для этого устроили «банкетную кампанию». Собрания маскировались под банкеты. Ведь на политические сборища потребовалось бы испрашивать разрешения властей (которые их наверняка запретили бы). А банкет он и есть банкет. Либералы были люди не бедные, почему не снять зал в ресторане? И кто помешает пригласить на банкет хоть двести-триста знакомых? Эта кампания прошла в 34 городах, в ней приняло участие 50 тысяч человек.

Расширялся выпуск революционной прессы. Так, с декабря 1904 г. за границей начинает выходить газета «Вперед». Название, между прочим, не случайное. В США газета с таким же названием, «Форверд» (точнее, «Jewish Daily Forward») выходила на идиш и финансировалась Шиффом. В Германии газета «Форвертс» издавалась социал-демократом Хильфердингом и была связана с американской. А от нее почковались газета польских социал-демократов «Напшуд» (что тоже означает «вперед») и на русском языке – «Вперед». В редакцию вошли Ленин, Ольминский, Воровский, Луначарский, Бонч-Бруевич. Но все же на первом этапе успехи были мизерными. Либералы захлебывались речами, тонули в спорах из-за программ. Вспышки стачек оставались разрозненными. А главной задачей было добиться массовости выступлений, настоящего взрыва.

В Петрограде главным эмиссаром закулисных антироссийских сил являлся Пинхус Рутенберг. Он действовал по различным каналам, создал обширную сеть агентуры. В частности, одним из его «друзей» был священник Гапон. Этот «батюшка» обратился к полиции с инициативой – вроде бы полезной. Предложил создавать патриотические рабочие организации якобы в противовес революционным. Органы власти согласились, поддержали. Откликнулся сам премьер-министр Витте, чрезвычайно заинтересовался такими организациями, выделил Гапону средства.

Исследователи обратили внимание, что провокаторам подыгрывали и либералы-предприниматели, помогали создавать повод для недовольства. В январе 1905 г. повод был вообще ничтожным, на Путиловском заводе уволили четверых рабочих. Но революционерам удалось использовать это для забастовки. Подключилась сеть нелегальных ячеек на других предприятиях, поддержали путиловцев. А Гапон через свои кружки забросил в народ идею – 9 (22) января идти к царю, изложить ему свои нужды, искать правды и справедливости. Распространялись слухи, будто государь сам хочет встретиться с простыми людьми, разобраться, как его обманывают чиновники и дворяне. Рабочие вдохновились, созвали выборных и принялись выработать петицию, собирать насущные просьбы.

Кстати, царя в этот момент вообще не было в Петербурге. А правительство в последний момент узнало, что вместо петиции, составленной рабочими, организаторы беспорядков намерены пустить в ход другую. Экстремистскую, с требованиями созыва Учредительного собрания, изменения государственного строя. Те пункты, которые обсуждали и записывали выборные от рабочих, были просто добавлены в конец этой заготовки. Узнали власти и о том, что к мероприятию готовятся боевики и террористы. А кроме того, анализ всех данных показывал, что в шествиях должно принять участие более 300 тыс. человек! Предполагалось, что они двинутся с разных концов города и сойдутся на Дворцовой площади.

Такая масса народа на ограниченном пространстве вместиться никак не могла! В проходах на площадь толпы передавали бы друг дружку. Память о трагической давке при коронационных торжествах на Ходынке была еще свежа, и власти забили тревогу. Манифестация была запрещена, центр города оцепили войсками. Им был дан приказ никого не пропускать, но оружие применять лишь в случае крайней необходимости. Однако было уже поздно, агитация сделала свое дело. С утра 9 января на рабочих окраинах стали собираться огромные толпы с иконами, хоругвями. Двинулись к центру города. Но в толпах сновали провокаторы и заранее нагнетали возмущение – дескать, нас не хотят пускать к царю! Призывали прорываться силой. Накручивали злость, внедряли лозунг: если в наших просьбах будет отказано, то «нет у нас больше царя». В ряды мирных манифестантов влились в полном составе эсеровские боевые дружины, отряды социал-демократов и анархистов.

Наверное, в советских фильмах многим запомнились кадры, как манифестанты и солдаты стояли друг напротив друга на Дворцовой площади. А потом грохнули залпы по людям... Но это ложь. Грубая ложь. Войска приказ выполнили, на Дворцовую площадь шествия не допустили. Четыре многотысячные колонны были остановлены оцеплениями в четырех местах – на Обводном канале, Васильевском острове, Выборгской стороне и Шлиссельбургском тракте. Но везде события развивались примерно по одному сценарию. Люди стояли на месте, не в силах пройти дальше. Обратное тоже идти не могли, сзади улицы запрудили манифестанты. А провокаторы подзуживали, подталкивали. Дескать, мы с добрыми намерениями, а нас, надо же, к государю не пускают!

Народ волновался, бурлил. В задних рядах не видели, что впереди, напирала. Соответственно, передние напирала на солдат. По команде офицеров они стреляли в воздух. Но в них летели камни. Из толпы, прячась за спины рабочих и их жен, экстремисты стреляли и из револьверов. Цепи солдат видели, что вот-вот будут смяты, раздавлены и растерзаны лезущей на них возбужденной массой, и стреляли уже по людям. После этого во всех четырех эпицентрах столкновений началась паника. Толпы в ужасе обращались прочь. Сминали и топтали друг друга. Не столько людей пало от пуль, сколько погибло и перекалечилось в давке. Всего же в день «Кровавого воскресенья» было убито и умерло от ран и травм 130 человек, 299 получили ранения. Это число пострадавших включало и солдат, полицейских.

Но какой же подарок получился для смутьянов! Да и для западной прессы! Царь расстрелял тех, кто с иконами и хоругвями шел ему челом ударить и просьбы выложить! Ох, как взвыло мировое «общественное мнение»! Цифры жертв были многократно преувеличены, вопили о «тысячах расстрелянных». Обстоятельства перевирались, подробности придумывались и приукрашивались новыми беспардонными наворотами. А фактически «Кровавое воскресенье» выполнило именно ту роль, которая ему предназначалась. Оно дало старт общей атаке на власть и порядок. Вот теперь-то забушевало по всей стране, забастовки охватили 400 тысяч человек...

Правда, Николай II попытался уладить недоразумения, разобраться, что же произошло и кто виноват. Для этого государь создал комиссию под руководством сенатора Шидловского. На заводах и фабриках оповещалось – рабочие могут сами выбрать делегатов в эту комиссию. Им будет дано право расследовать обстоятельства трагедии, а также выявить и систематизировать причины недовольства в народе, разработать предложения по их устранению. Но и этим умело воспользовались революционеры. Выборы шли открыто на всех предприятиях, а смутьяны проталкивали свои кандидатуры. Комиссия получилась вовсе не государственной! В ней верховодили агенты того же Рутенберга. На первых же заседаниях послали подальше председателя Шидловского, выкинули и делегатов, лояльных к правительству, а из прочих составил Петербургский Совет рабочих депутатов!

Что касается Гапона, сыгравшего столь незавидную роль, то он бежал за границу. Поначалу пользовался в эмиграции бешеной популярностью. Лондонская «Таймс» платила ему

огромные гонорары за каждую строчку воспоминаний. Кстати, при этом выяснилось, что российские социалистические партии еще ничего толком не сделали для развития революции! Делал «кто-то» другой – за них. Зато теперь эсеры и социал-демократы принялись перетягивать Гапона к себе. Каждая партия желала представить его «своим» человеком. В этом случае они смогли бы приписать себе массовое рабочее движение в Питере. Гапона обхаживали и Ленин, и другие лидеры. Он зазнался, попытался играть самостоятельную роль. Но через некоторое время на него был состряпан компромат и подброшен эсеровским боевикам. Его и прикончили – он слишком много знал. Рутенберг в скандалах не светился и сделал куда более успешную карьеру. Впоследствии он уехал на Ближний Восток, стал председателем «Национального комитета» еврейских поселений в Палестине – первого фактического правительства Израиля.

Ну а революция, начавшаяся «Кровавым воскресеньем», набирала силу. Охватила города, перекинулась в деревню. В Польше, Прибалтике, Закавказье ее усугубили разжиганием межнациональных конфликтов. А зарубежные политические и деловые круги внесли в бедствие новую лепту. В начале войны, в мае 1904 года, царское правительство, предложив высокие ставки процентов, добилось займов во Франции. Теперь же, якобы в связи с революцией, зарубежные банки отозвали из России свои капиталы. К войне и политическому кризису добавился финансовый. Революция парализовала пути сообщения, закупорила очагами мятежа и забастовками Транссибирскую магистраль, от которой целиком зависела армия в Маньчжурии. Удар, готовый обрушиться на врага, был сорван.

Царское правительство было вынуждено просить Японию о мирных переговорах. Однако западные державы в данном случае поддержали Россию. Америка не желала усиления России, но и усиления Японии. Она видела идеалом войны истощение обоих противников и усиление собственных позиций в Китае. Поэтому японцам прозрачно намекнули – пора мириться. Но в Токио ничуть не возражали. Их держава была измочалена, в правительстве прекрасно понимали, что только русская революция спасла их от разгрома. Посредником вызвался быть президент США Теодор Рузвельт, переговоры открылись в Портсмуте, и условия мира выработали очень быстро. Наша страна уступала Южный Сахалин, Ляодун, часть Южно-Маньчжурской железной дороги. Японский представитель Такахира заикнулся было о 3 млрд руб. контрибуции, о передаче японцам Северного Сахалина. Витте готов был принять такие условия, но Николай II строго запретил ему. Японская делегация тут же пошла на попятную и подобных претензий больше не выдвигала – абы поскорее заключить мир, пока не передумали.

Хотя подлинные авторы поражения России даже не считали нужным держаться в тени. Наоборот, гордо демонстрировали, что это сделали они. Пусть видят, пусть знают. В Портсмут приехали не только дипломаты, прибыл и упоминавшийся американский банкир Яков Шифф. Он присутствовал 28 августа при подписании договора – чтобы Россия расписалась в поражении не только перед Японией, но как бы и перед его лицом. Шифф открыто признавал, что деньги для революции поступают от него, что он финансировал террористов. За свой вклад в победу Японии он был награжден орденом японского императора. А на церемонии награждения произнес речь с угрозами в адрес царя и русских – дескать, мы еще не то устроим.

А внутри России, казалось бы, действовали совершенно разнородные силы. Лозунги выдвигали разные, даже противоположные. Но существовали теньевые режиссеры, которые связывали между собой эти процессы. Вдруг получалось, что непохожие партии и группировки действуют в рамках общего сценария. Рабочие расплескивали забастовки, террористы устраивали диверсии – и именно это обеспечивало военные неудачи. Либеральная пресса высвечивала и преувеличивала их, смаковала «позорные поражения». Она, в свою очередь, помогала революционерам поднимать протесты против «ненужной» войны. Но и

либеральные вельможи в окружении царя получали новые зацепки, чтобы подтолкнуть его мириться. Однако стоило прекратить войну, как та же самая «общественность» возмущенно зашумела о «позорном мире», объявляла его лучшим доказательством отсталости государственного строя. Буря, поднятая либералами, помогла социал-демократам, эсерам, анархистам, и в октябре разразилась всеобщая политическая стачка. Ну а придворные и правительственные масоны во главе с Витте принялись нажимать на Николая II, уговаривая пойти на конституционные реформы. Доказывали, что только такой шаг успокоит «народ» и нормализует ситуацию.

Сам народ при этом не спрашивали. Народ стихийно начал подниматься против революции, создавать «Союз русского народа» и другие организации. Но «общественность», своя и заграничная, обрушивалась на «черносотенцев». Их инициатива не получила сверху никакой поддержки. Большинство чиновников, представителей царской администрации, тоже заражалось духом либерализма. Перенимали навязанные иностранцами представления о «прогессе», а патриотов прижимали. Даже руководство Церкви отнюдь не приветствовало таких начинаний. Запрещало священникам участвовать в них. На иереев, обвиненных в «черносотенстве», обрушились преследования.

Таким образом, власть сама оторвала себя от народа. В этом оторванном мирке действовало особое «информационное поле». Оно питалось потоками подтасовок из той же либеральной прессы, питалось «общественными мнениями», требовавшими реформ. Министр внутренних дел А. Г. Булыгин предлагал согласиться на умеренные уступки, создать Думу с совещательными правами. Куда там, подобный вариант дружно отмели все слои оппозиции. Но Витте обрабатывал других министров, придворных, привлек на свою сторону даже царских родственников. В общем, сумел «дожать» Николая II. 17 октября был издан Манифест, которым император даровал народу «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». Создавался законодательный парламент – Государственная дума. Объявлялась всеобщая политическая амнистия.

Но выясняется, что... революционеры заранее знали о том, что царь подпишет подобный документ! Знали и примерные сроки подписания! Например, Свердлов еще в сентябре уверенно говорил своей жене Новгородцевой – скоро откроется возможность перейти на легальное положение. А Троцкий продолжал трусливо прятаться. Но 14–15 октября вернулся в Петербург! Буквально накануне Манифеста и амнистии «политическим», в том числе и ему самому. К этому же моменту в столице вынырнул Парвус. Они с ходу развернули бурную деятельность. Причем лидировал Парвус. На него были завязаны финансовые потоки, и уже явно не японские. Японцам для революции было больше незачем платить, да и нечем после тяжелой войны. А деньги шли немалые. На эти средства Парвус наладил выпуск «Рабочей газеты», «Начала», «Известий» – их стали печатать такими массовыми тиражами, что буквально завалили ими Питер и Москву. В газетах публиковались статьи Троцкого, других российских революционеров, австро-германских социалистов – Адлера, Каутского, Клары Цеткин, Розы Люксембург. Через эти издания осуществлялись и некоторые махинации. Опубликовав фальшивку, так называемый «финансовый манифест», Парвус сумел обвалить курс русских ценных бумаг, на чем очень крупно погрели руки западные банкиры. Уж конечно, Парвус при этом не забыл и собственный карман.

А Троцкого взяли интенсивно «раскручивать». Приехал он перед подписанием Манифеста совсем не случайно. Для него придумали очень выигрышный трюк. Сразу же после подписания исторического документа на массовом митинге он театральным жестом разорвал Манифест. Дескать, в подачках не нуждаемся! И Льва Давидовича, никому еще не известного, не имеющего никаких заслуг, теньевые режиссеры протолкнули на пост заместителя председателя Петроградского Совета.

Хотя настоящая иерархия действующих лиц скрывалась от посторонних. Председателем Петербургского Совета был избран Хрусталева-Носарь. Недалекий и неумный адвокат, получивший известность на судебных процессах, где он защищал рабочих, привлеченных к ответственности за нелегальщину, за участие в беспорядках. Он стал фигурой чисто декоративной: до поры до времени прикрыть главных персонажи и не мешать им. На втором плане очутился Троцкий. Ему создавали куда больший реальный вес, большие возможности, чем Хрусталева-Носарю. А Парвус, настоящий двигатель революции в столице, вообще держался в тени. Все свои ходы он осуществлял через Троцкого.

Что же касается уверений Витте и других либералов-царедворцев, что Манифест принесет успокоение стране, то они обернулись чудовищным просчетом (или обманом). Наоборот, даровав «свободы», царь попал в ловушку. Отныне революционеры могли действовать легально, в открытую! И они закусили удила. Страна обвалилась в хаос стачек, манифестаций. В разных городах началось формирование и обучение боевых дружин. Троцкий в эти дни блистал, красовался, кидался лозунгами. В дополнение к талантам журналиста у него обнаружился еще один – великолепный дар оратора. Он и сам любил играть на публике. Зажигался, доводя себя до экстаза, и умел зажигать толпу.

Кстати, любопытно сравнить, что Ленин в этой революции оказался... не у дел. Например, о деятельности Красина по поставкам оружия для боевиков он был вообще не в курсе, впоследствии узнал задним числом. Задержался за границей, издавал для России пропагандистские материалы. Из Питера его известили, что он может присылать свою литературу через Стокгольм. Он и посылал. Из Швеции условно сообщали, что «пиво получено», и он отправлял новые грузы. А впоследствии выяснилось, что все его тиражи так и лежат в Стокгольме, завалив подвал Народного дома. Сам же Владимир Ильич решил ехать на родину только в октябре, после объявления амнистии. Но опять произошла накладка. Из Петербурга ему дали знать, что в Стокгольм к нему приедет курьер с документами. Ленин без толку прождал его 2 недели... В итоге он сумел попасть в Россию лишь в ноябре. Но оказалось, что в революционном движении уже «все схвачено», руководящие посты заняты. Владимир Ильич тыкался туда-сюда. Ночевал то у одних знакомых, то у других. Публиковал статьи в газете «Новая жизнь» Горького. Парвус с Троцким выпускали три газеты, а Ленину приходилось печататься в чужой! Он ездил в Москву, но и там не нашел себе подходящего применения. В общем, вывод напрашивается однозначный. В 1905 г. закулисные организаторы выдвигали на роль лидера революции Троцкого. А Ленина оттерли в сторонку, чтобы не мешал.

Однако власть в России в 1905 г. оказалась еще сильна. Преодолев растерянность, начала предпринимать меры. 26 ноября был арестован Хрусталева-Носарь. По сути, он и предназначался для такой функции, быть «громоотводом». Но и Троцкому, который после него стал председателем Петросовета, довелось быть на этом посту лишь неделю. 3 декабря его и весь Совет, заседавший в здании Вольного экономического общества, взяли под белые ручки и отправили туда, где и надлежит пребывать подобным деятелям. За решетку. Вскоре туда же загремел Парвус. Как видим, зараза революции была вовсе не смертельной для России. Как только правительство оставляло путь уступок и экспериментов, начинало действовать решительно, раздразн удалось преодолеть. Впрочем, и во всем революционном движении наступил вдруг резкий перелом.

Дело в том, что в Европе разразился серьезный политический кризис. Спровоцировал его германский кайзер Вильгельм II, решивший, что Россия достаточно ослаблена и настал подходящий момент для реализации собственных планов. Совершая круиз по Средиземному морю, он сошел на берег в Марокко, французской полуколонии, и сделал ряд громких заявлений. Указал, что считает Марокко суверенным государством, что готов всеми силами под-

держат этот суверенитет и требует предоставить Германии такие же права в этой стране, какие имеют французы.

Вот тут уж перепугалось правительство Франции. Стало ясно, что дело не только и не столько в Марокко. Что кайзер ищет предлог для войны. А без помощи России Францию наверняка раздавят! Обеспокоилась и Англия. В войне с японцами погибла большая часть русского флота, но теперь главной соперницей британцев на морях становилась Германия. А если она распотрошит Францию, то станет полной хозяйкой в континентальной Европе, попробуй-ка с ней сладить! Под нажимом британцев кайзера удалось склонить к проведению международной конференции по марокканскому вопросу в испанском городе Альхесирасе. Хотя немцы были настроены задиристо, неприкрыто бряцали оружием – дескать, ну-ну, посмотрим, что предложит ваша конференция. А германский генштаб предлагал Вильгельму просто взять, да и нанести удар – без всяких конференций.

Державы, только что дружно валившие Россию, начали быстренько менять отношение к ней. Комбинация была разыграна опять через Витте. Нашу страну лихорадил финансовый кризис, усугубленный диверсиями Парвуса. Она оказалась на грани грандиозного дефолта. А иностранные банки в займах отказывали. «Общественное мнение» было перевозбуждено против русских. Британские газеты называли царя «обыкновенным убийцей», а Россию – «страной кнута, погромов и казненных революционеров». Французская пресса вопила: «Давать ли деньги на поддержку абсолютизму?» Но правительство Франции начало уговаривать своих банкиров и парламентариев выделить кредиты Петербургу. По данному поводу было даже заключено специальное соглашение: «Считать мирное развитие мощи России главным залогом нашей национальной независимости». С Витте тоже было заключено соглашение – Франция предоставляла «великий заем», позволяющий преодолеть кризис, а Россия за это обязалась на конференции в Альхесирасе поддержать Францию.

Озаботился и «финансовый интернационал». При сложившейся ситуации крушение России принесло бы главный выигрыш Германии, открыв ей путь к европейскому господству. Международных банковских корпораций подобная перспектива не устраивала. Получалось, что валить Россию еще не время. Финансовые потоки, питавшие революцию, вдруг пресеклись... В революционном движении сразу покатился разнобой. В Москве, Забайкалье, Прибалтике, Польше, на Кавказе, в ряде других мест по инерции вспыхнули вооруженные восстания. Но они носили очаговый характер и довольно легко были подавлены войсками.

Гнойник шестой Свердлов и его боевики

У нас в России привыкли воспринимать историю «по-крупному», увязывая ее главным образом с руководителями государства – «эпоха Екатерины II», «эпоха Николая I», «эпоха Брежнева». Хотя это не совсем корректно. Чтобы более детально исследовать те или иные явления, механизмы принятия решений, выработки политики, надо учитывать и наличие «серых» и прочих цветов радуги «кардиналов», существовавших в разные времена и при разных правителях. И когда, например, мы касаемся времен революции, то есть «эпохи Ленина», стоит обратить особое внимание на фигуру Якова Михайловича (Янкеля Мовшовича) Свердлова. Британский журналист Р. Вильтон, побывавший в те годы в России, вообще приходил к выводу, что «поначалу в большевистском режиме доминировал не Ленин (Ульянов), председатель Совнаркома, а Свердлов... председатель всесильного ВЦИК».

Парадоксально? Но это действительно так. Ленин возглавлял ЦК партии и правительство. Свердлов – Секретариат ЦК и Всероссийский центральный исполнительный комитет Советов. При этом надо помнить, что Секретариат являлся единственным аппаратом ЦК, и вся работа с партийными органами на местах замыкалась на Якова Михайловича. А правительство еще не имело никаких региональных структур. Власть осуществлялась только через Советы. Подконтрольные Свердлову.

Эта личность – одна из самых страшных в нашей истории. И самых загадочных. Страшных, потому что все наиболее одиозные преступления «военного коммунизма» инициировал именно он – удар по деревне, царевубийство, «красный террор», казачий геноцид. А загадочных – поскольку его фигура по непонятной причине вообще выпала из рассмотрения историков. Отметьте, за рубежом всюю полоскали Ленина, Троцкого, Сталина, Дзержинского... Но не Свердлова. Покатились «разоблачительные» кампании перестройки и демократизации – и опять его почему-то обходят стороной...

Что ж, его путь в революцию и впрямь был далеко не ординарным. Родился он в 1885 г. в Нижнем Новгороде. Отец, Мовша Израилевич, являлся богатым владельцем граверной мастерской и половины дома в центре города (вторая половина принадлежала хозяину ювелирной мастерской). Из воспоминаний родственников известно, что впоследствии мастер-гравер выполнял заказы революционеров, изготавливая печати и штампы для поддельных документов, что нелегалы порой укрывались у него на чердаке, что существовал тайный ход через уборную из квартиры Свердловых в квартиру ювелира, и для отрыва от слежки можно было войти в одну дверь дома, а выйти из другой.

А все это вместе приводит к выводу, что... мастер жил не только честными заработками. Нижний Новгород являлся крупным центром торговли – а заодно и преступного мира. В. А. Гиляровский в очерке «Под “Веселой козой”» очень ярко описал, как на здешние ярмарки стекалось ворье и шпана со всей России, даже из-за рубежа. И, надо думать, для многих из данной публики новая «ксива» была нелишней. Да и соседство с ювелиром было удобным. В одном месте можно и добычу сбыть, и документик приобрести. Откуда следует такой вывод? Ну, посудите сами, иначе разве стал бы ювелир (!) мириться с тем, что в его квартиру можно влезть от соседей? И что на чердаке пасутся посторонние? Да и Мовша Израилевич до того, как начал выполнять заказы революционеров, очевидно, успел набить руку в изготовлении фальшивых печатей.

Косвенным доказательством служит и такой факт: гимназист Яков Свердлов, возмечтав создать тайное общество наподобие «карбонариев», купил себе пистолет. Ясное дело, не в оружейном магазине. А где же еще мальчишка мог купить оружие, кроме нижегородского

воровского «дна»? Следовательно, имел там знакомства, знал, к кому обратиться, чтоб не облапошили.

В возрасте 15 лет Яков бросил учебу и ушел из семьи – то ли из-за хулиганства в гимназии, то ли из-за домашней ссоры. Поселился в пригороде Канавино. Это как раз и был район трущоб и притонов. «Ниже» и грязнее его считались только «Самокаты». Но они «оживали» сезонно, на время ярмарок, а в Канавино сосредоточились постоянные «малины», «мельницы», ночлежки. Сначала Яков устроился неплохо, учеником в аптеку, но из-за вздорного характера был изгнан. Стал жить правкой газетных корректур, перепиской театральных ролей. Эти способы заработка считались традиционными для опустившихся и обнищавших интеллигентов. Но поступить рабочим на завод, например на Сормовский судостроительный гигант, будущий революционер даже не пробовал.

Вытащил его со «дна» в 1901 г. друг детства Вольф Лубоцкий (Владимир Загорский). Он связался с социал-демократами и организовал молодежный кружок из гимназистов. Привлек и Свердлова – среди экзальтированных барышень и юношей он сразу стал популярным. Горьковские босяки-«челкаши» были в моде, а Яков единственный в кружке был «оттуда». Настоящий «пролетарий»! Ему стали помогать, подыскивать заработки репетиторством, пускать на жилье. В мае 1902 г. кружок устроил демонстрацию. При задержании Лубоцкий распоясался, ударил пристава и отправился в ссылку. Свердлов вел себя умнее и был выпущен. Стал руководителем кружка.

Вторая ступенечка вверх – в 1903 г. На II съезде РСДРП произошел раскол на большевиков и меньшевиков. Нижегородский комитет социал-демократов во главе с Грациановым занял меньшевистскую позицию. А Яков вдруг объявил себя большевиком. Таким способом в 18 лет он стал самостоятельным лидером. Проявил он и недюжинные таланты организатора-практика, чем выгодно отличался от партийцев-теоретиков того времени. Его заметил Северный комитет РСДРП, начал использовать в качестве эмиссара, и Свердлов участвовал в формировании партийных структур в Нижнем, Костроме, Ярославле, Саратове, Самаре, Казани.

Правда, его успехи объяснялись не только талантами. Как раз в данный период обозначился приток в партию уголовщины. Ведь воровство и бандитизм в тогдашней России были занятием бесперспективным. В отличие от России сегодняшней, награбленное богатство не могло вывести преступника в верхушку общества, не открывало доступа к более высоким жизненным благам. Уделом блатных оставались притоны Хитровки, Сухаревки, Самокатов. Иное дело – «политики», окруженные почитанием и восторгами «прогрессивной общественности». И часть шпаны, кто поумнее, начала перекрашиваться в «политиков». Одним из тех, кто привлекал их в партию, был Свердлов. Свой в доску в мире люмпенов...

В 1905 г. по России покатались демонстрации и митинги революции. Свердлова в сентябре направили в Екатеринбург – восстановить здешнюю разгромленную организацию. Правда, первый блин тут получился комом. Рабочие самого крупного, Верх-Исетского завода не поддержали смутьянов, и манифестацию разогнали черносотенцы. Из случившегося Свердлов сделал выводы. Заполонил заводы новыми агитаторами, а главное – реорганизовал боевую дружину. Ближайшим его подручным стал уголовник, успевший отсидеть за убийство, Янкель Юровский. Привлекались и другие головорезы – Теодорович, Сосновский, Чуцкаев, братья Кадомцевы, Дидковский, Сыромолотов, Ермаков.

Свердлов уже явно имел касательство к каким-то источникам теневого финансирования. Покупалось оружие. Часть – из-за рубежа, часть – из украденной продукции Ижевских заводов. Боевиков обучали стрельбе, владению холодным оружием, бомбами, минному делу, рукопашному бою. Загремели выстрелы и взрывы первых терактов. Готовилось вооруженное восстание – как и по всей России. Но... в ходе революции наступил вдруг резкий перелом. Восстания полыхнули лишь отдельными очагами, в Москве, Забайкалье, Иваново-Воз-

несенске, под Пермью на Мотовилихинском заводе. В других местах все пошло вразнобой и смазлось...

Произошла перемена и в деятельности Свердлова. Он в декабре 1905 г. отправился в Финляндию, на Таммерфорскую конференцию РСДРП. Из-за железнодорожной забастовки опоздал. Конференция завершилась без него, Ленин и часть делегатов разъехались. Но с кем-то Свердлов в Финляндии все же встретился и получил новые, вполне определенные инструкции и полномочия. Возвращаясь через Москву, где шли уличные бои, он здесь задерживаться не стал. Видимо, уже считал себя выше того, чтобы подставлять голову под пули. Примчавшись в Екатеринбург, он... внезапно отменил планы готовившегося восстания. Занялся экстренным переводом организации на нелегальное положение, растасовывая боевиков и активистов по разным городам. Что же случилось? Причину мы уже называли. Агрессивно повела себя Германия. Англия, США и Франция спохватились, что Россия еще пригодится. Окончательно обваливать ее еще рано. Перекрылась финансовая подпитка из-за рубежа. Да и русские либералы удовлетворились царским Манифестом от 17 октября. Они были не против дальнейшей раскачки, но не в виде восстаний, а менее разрушительными методами, чтобы самим через Думу успешнее давить на власть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.